

Денис Передельский

ВРЕМЯ ТИШИНЫ

Антология юмора

18+

Денис Передельский

Время тишины

«Автор»

2023

Передельский Д.

Время тишины / Д. Передельский — «Автор», 2023

Андрей Разумовский работал журналистом в главной областной газете и планировал со временем дорасти до должности главного редактора. Но предательство приятеля резко изменило его судьбу. Андрею пришлось перейти на работу в оппозиционное издание. Теперь он – враг коррумпированных чиновников. Андрей проводит дерзкие журналистские расследования и пишет острые материалы. В его жизни появляются покушения, бандитские «разборки», интриги и, конечно же, любовь. Он с блеском выдерживает все испытания, но однажды задается вопросом – а не стал ли он жертвой в «подковерной» борьбе сильных мира сего? «Время тишины» - роман, не только открывающий дверь на кухню политических интриг, но и заставляющий читателя смеяться до слез.

© Передельский Д., 2023

© Автор, 2023

Денис Передельский

Время тишины

Деловая хватка

Неприятность может случиться даже в ясный день, будто созданный для того, чтобы судьба холила вас и лелеяла, ласково гладила по голове и на каждом шагу подкидывала поводы для радости. Когда она выпрыгнет из-за угла и играючи уложит вас на лопатки, так вот, тогда даже самый ясный, дивный и солнечный день покажется мрачным и таковым в памяти останется. Не верите? Что ж, в таком случае, поделюсь печальным опытом.

Момент, с которого и началась эта странная история, в памяти моей неотрывно связан с ясным, солнечным и дивным деньком. Вернее, с чудесным утром, которое оставалось таким до тех пор, пока я по воле злого рока не столкнулся на улице с Гудомаровым-младшим. Вы, конечно, скажете: подумаешь, велика важность, столкнулся с Гудомаровым-младшим! Не с грузовиком же, в конце концов, столкнулся на автостраде! И вообще, с Гудомаровым-младшим может столкнуться каждый, не сойдет же из-за этого с оси небесной наша старушка-планета.

Не стану спорить. Однако мне знакомы люди, которые совершенно случайно в лучшие периоды своей жизни столкнулись с Гудомаровым-младшим и из врожденной беспечности не придали встрече большого значения. Вы тоже можете с ними познакомиться. Обычно они стоят с протянутой рукой на паперти и в подземных переходах. По какой-то странной прихоти вершителей судеб там для жертв Гудомарова-младшего всегда находится свободное местечко. Так о чем это я? Ах да, о неотвратимости рока.

Итак, денек зарождался настолько дивный, что моя внутренняя система раннего оповещения об опасности предательски забылась и не сработала. Иначе я, конечно, успел бы развернуться, добежать до вокзала и на бешеном скаку запрыгнуть в первый попавшийся уходящий поезд, желательно, следующий до Владивостока. Но, увы, когда я заметил семящего во встречном направлении Гудомарова-младшего, было уже поздно не то, что бежать без оглядки, но притворяться столбом или деревом. С тем же успехом можно встать на пути у цунами и попробовать остановить его при помощи приемов карате или магических заклинаний.

Я вовсе не утверждаю, что такое невозможно. Наверное, живут на нашей планете мастера, способные на подобные подвиги. Однако я к их числу не отношусь. Для меня остановить цунами ловким ударом босой пятки нелегко. Поэтому я сбавил шаг и с нарастающим ужасом следил за тем, как этот субъект, которого некоторые небезосновательно величают извергом рода человеческого, на всех парах приближается ко мне. В душе жила робкая надежда на то, что, впопыхах, он меня не узнает и пролетит мимо, обдав холодным ветерком. Ведь мы не общались пару лет, если не больше. С тех самых пор, как его выгнали из газеты, в которой я трудился.

Неприятные типы обладают сверхъестественным даром узнавать все и вся. И потому узнают вас, даже если вы, предупрежденные старой мудрой гадалкой, вхожей в резиденцию дьявола, о нежелательной встрече, предусмотрительно сделали пластическую операцию, сменили пол, гражданство, музыкальные пристрастия и нацепили накладную бороду. Пусть вас даже мать родная не узнает в новом облике, но неприятный вам тип с легкостью выделит вас из толпы. Даже если перед ним поставить для опознания сотню человек, сменивших пол, сделавших пластическую операцию и нацепивших накладную бороду, похожих друг на друга, как песни отечественных поп-звезд, он подойдет, ткнет пальцем вам в грудь и вынесет приговор: «Я узнал его! Это именно тот человек, который ночью вскрыл дверь-сейф моей квартиры и загрыз моего любимого бультерьера!». Ну, или что-то в этом роде.

Пока я размышлял о превратностях судьбы, по хитрой физиономии Гудомарова-младшего, напоминавшей мордочку вышедшего на охоту хорька, растеклась злобная улыбка.

Сродни той, с которой, должно быть, в давние времена умудренные опытом вампиры перед сытным обедом говорили доверчивым и полным крови крестьянам: «Расслабьтесь, и вы ничего не почувствуете!».

Пока я гадал, за какие грехи ниспослана мне эта встреча, Гудомаров-младший успел подгresti ко мне, дружески подмигнуть и произнести: «А, дружище, привет! Ты-то мне и нужен!». Предпринимая последнюю отчаянную попытку спастись, я хмуро буркнул в ответ: «Знавал я людей, которым ты говорил «Ты-то мне и нужен!». Но он только добродушно рассмеялся и заявил, что к случившимся с теми людьми неприятностям лично он не имеет отношения. Дескать, все, что с ними произошло, было предначертано судьбой. Сами виноваты, сказал он. Сами виноваты, что попались у него на пути, сказал про себя я и поежился.

Немногие назовут меня фаталистом. Но я убежден: есть нечто фатальное в том, что судьба играет злую шутку с теми представителями человеческой расы, на пути у которых случайно возникает Гудомаров-младший. Не удивлюсь, узнав, что девяносто процентов войн начались после того, как он изловил в туалете Белого дома случайно забредшего туда американского президента, министра обороны или иностранных дел. Так и вижу: подкрался к нему сзади и, дружески хлопнув по плечу, брякнул бедняге в ухо: «Ты-то мне и нужен!».

Тот, конечно, при таких-то обстоятельствах не может не вздрогнуть от неожиданности и инстинктивно не объявить войну какой-нибудь богатой нефтью стране. Потом, конечно, все разъяснится. Но процесс уже запущен. Согласитесь, не к лицу американскому президенту, если уж он объявил войну, менять политическое решение только из-за того, что оно было опрометчивым. Не скажешь ведь общественности, что тебя застали врасплох в туалете. Тем более что тысячи бойцов из разных стран мира или уже сошлись на поле боя, или основательно подготовились к тому, чтобы геройски погибнуть во славу правителей. Отменить объявленную войну – значит, обмануть их ожидания, и это как минимум. Я уж не говорю о тех таинственных и великих магнатах, которые вечно маячат за царскими и президентскими спинами и наживают на войнах состояния. Представьте, каково будет им, уже подсчитавшим барыши от военных заказов, если войну вдруг отменят?

Возможно, я сгущаю краски и наговариваю на беднягу Гудомарова-младшего. Не исключено, что он и в самом деле не имеет отношения к катаклизмам и катастрофам, посетившим наш мир в последние три с половиной десятка лет, что прожил на свете этот нестандартный тип. Но и к лагерю тех, кто обожает проверять гипотезы на собственной шкуре, меня не отнесешь. Поэтому я торопливо ответил, что рад был его повидать, и задал деру. Шагов через пять он снова вырос на моем пути и заявил тем же безапелляционным тоном, явно намекая на то, что я ему зачем-то понадобился:

– Ты-то мне и нужен!

Наверное, в древности с таким же дружелюбным видом кочевники предлагали осажденным добровольно сдать город, обещая в этом случае из гуманных соображений перерезать лишь половину горожан, а половину продать в рабство. Внутри у меня все сжалось, и кошки в душе заскребли с такой силой, какую ранее не проявляли. Гудомаров-младший сиял улыбкой, которую хорошо знавшие его люди расшифровали бы примерно так: «Вот тебе, приятель, и каюк!». Не дав опомниться, он с силой схватил меня за предплечье, так, что оно подозрительно хрустнуло, и затараторил, как взбесившийся пулемет:

– Дружище, не поверишь, но пару месяцев назад у меня родилась гениальная идея!

– Гениальная? – с сомнением уточнил я, гадая, сломана ли у меня рука или удастся отделаться обычной трещиной в кости?

– Феноменально гениальная, – подтвердил он, из чего я заключил, что нависшая над мной опасность как минимум вдвое страшнее той, что обычно нависала над жертвами гениальных идей Гудомарова-младшего.

Он отпустил мою покалеченную руку и попытался схватить другую, чтобы у трудяг из городского травмпункта день не прошел в скуке и безделье. Я вовремя спрятал ее за спину, полагая, что без здоровых рук отбиться от собеседника не удастся. Тогда он без обиняков схватил меня за плечи и затряс с такой силой, будто я был свиной-копилкой, в которой не осталось ни копейки, но он все равно намеревался вытрясти из меня, по меньшей мере, тысячу рублей мелочью. Пока голова моя беспомощно болталась из стороны в сторону, Гудомаров-младший кратко описал феноменально гениальную идею.

Она преследовала ту же цель, что и почти все идеи Гудомарова-младшего – быстро разбогатеть и прославиться. Требовалось немного – чтобы один невероятно умный и деловой человек (он, скромно улыбнувшись, не уточнил, кто именно) учредил газету. Далее рассказ стал более интригующим, так как выяснилось, что газета уже учреждена. Причем невероятно деловой человек учредил ее, не приняв во внимание такой пустяк, как то, что у него нет помещения под редакцию и денег на оплату услуг типографии и работу сотрудников. Я заметил, что раз ничего нет, значит, деловой человек не такой уж и невероятно умный. Однако собеседник позволил себе со мной не согласиться.

«Что значат какие-то там деньги по сравнению с теми идеалами, которым призвана служить эта газета!» – проорал он таким восторженным тоном, что несколько прохожих взглянули в нашу сторону с подозрением, явно стоя перед выбором: набрать ли номер «скорой» или пуститься наутек? Затем Гудомаров-младший, продолжая трясти меня, как вредный братец тряпичную куклу сестры в момент ее отсутствия, признался, что невероятно умный и деловой человек и сам пока не определился с тем, каким идеалам должна служить газета.

Однако он, оказывается, точно знал, что одним из журналистов новой газеты должен стать я. Судьба моя была, оказывается, предрешена, и он лишь любезно сообщил о новой миссии. Выступил в роли глашатая, так сказать. Тут мне припомнилось, что гонцов, принесших дурную весть, раньше вроде бы было принято казнить. Жаль, что те времена давно прошли, и сейчас подобное перестали практиковать. Я с горечью подумал, наверное, впервые, что моей самой большой ошибкой в жизни было решение стать журналистом. И, кажется, произнес это вслух, если только мой собеседник не владел даром читать чужие мысли. Он вздохнул в унисон со мной и, выпустив, наконец, из крепких острых когтей мое распухшее плечо, сочувственно произнес: «Так предначертано судьбой, и здесь уж ничего не поделаешь».

Тут в меня, должно быть, вселился дух предков, отчаянно пытавшихся спасти мою жизнь из потустороннего мира. Ноги мои заработали с такой мощностью, будто их питал энергией атомный реактор. Я сорвался с места и набрал скорость в сто километров в час за какие-то три секунды. Ну, может, за четыре с половиной. Любой нормальный человек отстал бы и лишь с восхищением проследил бы за тем, как в клубах дорожной пыли мелькают мои копыта, резво выбивая искры из асфальта. Но у Гудомарова-младшего, вероятно, тоже имелись связи в потустороннем мире. Он быстро нагнал меня и через левое ухо начал методично вдалбливать в мой мозг феноменально гениальную идею.

Прохожие смотрели на меня так, как смотрят на человека, придерживающего рукой килограммовый флюс и спешащего с прытью скоростного поезда к дантисту, орошая путь горькими слезами. Сам же я воспринимал прилепившегося Гудомарова-младшего, как бородавку, вскочившую на причинном месте ночью во время сна по наущению самых темных сил ада.

Ах да, я же забыл проинформировать читателя о том, что тогда расцветал март, точнее, середина марта. Стоял один из тех приятных дней, когда растопленный солнцем снег обнажает прятанный всю зиму под ним мусор, и стремительное наступление весны с каждым часом все больше превращает город в свалку. Итак, задорные весенние ручьи бежали вниз по улице, забивая ливневую канализацию хламом. Я бежал вверх по улице, а курсы доллара, евро и фунта привычно колебались на биржах мира. Словом, все было бы ничего, кабы не пристававший Гудомаров-младший.

Он проводил меня до дверей редакции, в которой я трудился, и прошмыгнул в них вместе со мной. А когда я попытался скрыться в туалете, он и туда втиснул дробное тело, мимолетно выразив удивление тем, что я предпочел женский туалет мужскому. Осознав ошибку, я в крайнем смущении перебрался в мужской туалет, где тут же из воздуха материализовался Гудомаров-младший. Он продолжал упражняться в ораторском искусстве. И по-прежнему единственной жертвой его красноречия был я.

Следующие два часа он провел в моем кабинете. Пока я тщетно пытался написать колонку новостей, он красочно описывал перспективу. Из его слов следовало, что жизнь моя будет прожита зря, если я немедленно не оставлю редакцию, служению которой отдал последние шесть лет, и не переберусь в газету, которая, еще не появившись, уже заняла место на Олимпе, а ее учредитель – в сонме богов. Гудомаров-младший живописал воображаемые прелести, о которых мечтает журналист – яркие и острые темы, свободу слова и астрономические гонорары. Надо быть безумцем, чтобы отказаться от такого предложения, заявил он. Скажу не без гордости – в тот момент я поступил, как истинный безумец.

Шел третий час увлекательной беседы, когда настроение у Гудомарова-младшего вдруг изменилось. Черная тень напозла на его светлое чело с той же скоростью и неотвратимостью, с которой на шолоховский Дон налетает летняя гроза. Он заявил, что приостанавливает переговоры о моем трудоустройстве до той минуты, пока я не приползу к нему на коленях и не стану умолять его принять меня в штат редакции. Такой вариант развития событий меня устроил. Попрощались мы почти как лучшие друзья, разве что не облобызали друг друга на прощание.

Ах да, забыл упомянуть маленькую деталь – Гудомаров-младший приходится родным братом Гудомарову-старшему. А Гудомаров-старший редакторствовал в той газете, в которой работал я и еще полсотни трудяг, среди которых попадались не только журналисты, но и корректоры, редакторы, верстальщики, дизайнеры, рекламные менеджеры и прочая и прочая. Думаю, упомянуть об этом будет не лишним, так как оба брата сыграли в моей судьбе значительную роль.

Предчувствие беды

До середины апреля я не вспоминал о встрече с Гудомаровым-младшим, ибо для этого не имелось причин. Жизнь катилась настолько безмятежно, насколько безмятежно может катиться жизнь журналиста главного печатного издания региона, финансируемого властями. Я собирал новости, кропал заметки и выдавал аналитические статьи. Иногда предавался греху алкогольного возлияния в компании акул пера и жил в ожидании очередного гонорара. На горизонте не маячили ни беды, ни радости. Мне не грозило ни увольнение, ни повышение по службе. Я был рад тому, что имел. И если в те счастливые времена в мою голову, порой, закрадывались грешные мысли о том, что живется мне не так уж и хорошо, как хотелось бы, то позже я искренне каялся, что подобные мысли вообще меня посещали.

О Гудомарове-младшем я слышал, что он все-таки реализовал идею и открыл более-менее регулярно издававшуюся газету. Называлась она «Из первых уст». Не самое оригинальное название, лишний раз подтвердившее теорию о том, что Гудомаров-младший занялся не своим делом. Сам я ее не читал. Поговаривали, что вышло уже три или четыре номера. Содержание было едким и местами неприятным для чиновников и лично губернатора. Об этом шептались в туалетах и курилках. До сих пор в нашем регионе не случалось такого, чтобы в газетах выходили едкие статьи, неприятные для самого губернатора. Не то, чтобы они не могли быть написаны. Просто в регионе до сих пор не было изданий, в которых подобные творения могли опубликовать без риска быть казненными на следующий день.

Судачили также, что Гудомаров-младший, вероятно, тронулся умом. На такую мысль наводило его творчество. Чиновников в своих опусах он мило величал казнокрадами. Губернатора – старым хрычом и выжившим из ума старцем, которому давно пора на свалку исто-

рии. Вы, конечно, понимаете, что я недостаточно красочно передал содержание как разговоров о газете, так и содержание газеты. На фоне того, что на самом деле позволял себе Гудомаров-младший, выражение «старый хрыч» для губернатора звучало, как ласковое прозвище. Одно неоспоримо – Гудомарову-младшему в рекордно короткий срок удалось добиться некоторой известности в определенных кругах, хотя такая слава сомнительна.

Широкому кругу читателей он был плохо знаком. А вот в кулуарах власти о нем сначала заговорили, потом – запретили говорить. Запрет был неофициальным. Но все приближенные к власти люди о нем знали, как и о том, что последует, если запрет нарушить. Имелась в нашем заповедном регионе такая особенность административной системы. Если попал в опалу губернатору, то спустя пять минут об этом знал не только ночной сторож отдаленного сельсовета, но и только что появившиеся на свет щенки сторожевой собаки. Неписанные правила гласили: с опальными нельзя разговаривать, о них нельзя разговаривать и надо докладывать обо всех, кто разговаривает с опальными, и кто разговаривает про опальных.

В общем, о Гудомарове-младшем если и говорили, то шепотом и в узком кругу доверенных лиц. Однако газету читали, хотя многие предавались новому удовольствию тайком. Лично я в то время надо всем этим добродушно посмеивался. Передергивало меня только в те редкие моменты, когда в голове вдруг проносилась ужасающая мысль. Ведь и я мог стоять в одном ряду с Гудомаровым-младшим, если бы поддался его напористости и кровью подписал бы вербовочный договор, впоследствии окропив его и горькими слезами. В самой глубине души я сочувствовал этому человеку и уважал его бесстрашие. Столь рьяно бросить вызов устоям власти мог, безусловно, только невероятно решительный и мужественный человек.

Одного не хватало Гудомарову-младшему – журналистов. Статейки он явно пописывал сам. Все отмечали это по стилю. Гудомаров-младший никогда прежде не трудился журналистом. Занимался коммерческими делами. Кочевал по печатным изданиям и разным фирмам, куда его принимали на работу в минуту умопомрачения начальства. По слухам, за карьеру он успел довести до банкротства три газеты и двух редакторов до инфаркта.

Третий нашел спасение в злоупотреблении алкоголем, благодаря чему, видимо, и выжил. Несмотря на зловещую славу, Гудомаров-младший долго не сидел без дела. Всплывал то в одном учреждении, то в другом, в разных качествах, но всегда при хорошей должности. Такие индивиды встречаются в каждом городе. А вот откуда они берутся, и за что небеса отмечают их таким талантом, это для меня – загадка.

Пером в печатных изданиях Гудомаров-младший ранее не скрипел. И потому вместо статей у него выходили тексты, сгодившиеся бы для выступлений на митингах. Тексты делали газету боевым листком, накропанным изрядно подвыпившим агитатором. Ходил слух, будто Гудомаров-младший пытается нанять репортеров, но никто к нему на пушечный выстрел не подходит. И не удивительно. В наших реалиях устроиться на работу в оппозиционную газету все равно, что добровольно взойти на плаху. Тебя внесут в черный список. И пока губернатор не отойдет в мир иной, другой работы, кроме как в оппозиционной газете, тебе не найти. А в оппозиционных газетах наш регион, как я, кажется, упоминал, испытывал известный дефицит. На сей рынок Гудомаров-младший ступил первым, и под ногами его была не твердая почва, но зыбкий песок.

Порой, я искренне сочувствовал первопроходцу. Но у меня и мысли не возникало о том, чтобы помочь ему решить кадровую проблему. Хотя я обладал, не в пример ему, некоторыми связями в репортерских кругах. И вот наступил день, многое изменивший в моей судьбе. Начинаясь он так, как начинались многие дни моей жизни. После обычного моциона я вышел из дома и пешком отправился на работу. Обычно путь занимал полчаса. За это время я успевал встретить нескольких знакомых, в основном, коллег-журналистов, поприветствовать их, а с некоторыми – переброситься парой слов и вместе дошагать до редакции.

Так было и на этот раз, за тем исключением, что никто не ответил на мои приветствия и не выказал желания переброситься парой слов. Будто сговорившись, знакомые вели себя одинаково странно. Заметив меня на улице, они замирали. Волосы у них оживали, как в рекламе шампуня, превращающего сухие безжизненные волосы в мокрые и шевелящиеся. Глаза покидали привычное место и выкатывали из орбит. Челюсть отпадала с таким грохотом, будто товарный поезд на предельной скорости пронесся по расшатанному стальному мосту, под которым вы решили укрыться от грозы.

Пробыв в таком состоянии несколько секунд, знакомые невероятным усилием вырвали себя из оцепенения, резко разворачивались, и, придерживая не желающую захлопываться челюсть рукой, бросались в ближайшую подворотню. А то и перебежали через проезжую часть, не обращая внимания на бешеный поток автомобилей и юрко лавируя между ними. Иные улепетывали по улице так отчаянно, будто во время безмятежной полуночной прогулки по кладбищу вдруг встретили четырех восставших из могилы мертвецов, решивших от скуки смертной переброситься в карты.

Первые два-три знакомых позабавили своим поведением. Однако когда их число перевалило за десяток (а в тот день знакомые попадались так часто, словно сами желали попасться мне на пути), в душу мою закрались смутные подозрения. Знаете, бывают моменты, когда начинаешь предчувствовать нехорошее. Например, когда пытаешься проскочить железнодорожный переезд на четвертой скорости, но двигатель машины гложет прямо на рельсах.

Думаешь, ничего страшного, заведу двигатель и поеду. Тут раздается приветственный гудок тепловоза, а двигатель чихает и отказывается заводиться. Пытаешься открыть дверцу и выбраться, однако выясняется, что ее непостижимым образом заклинило. Новый гудок тепловоза раздается громче первого и более возбужденно, с явными нотками охотничьего азарта, что свидетельствует о его приближении. Тут в душу и закрадывается смутное предчувствие беды. Так было и со мной в тот раз.

Снедаемый самыми мрачными предположениями, я дошел до первого попавшегося дома и нырнул в первый попавшийся подъезд. Благо, входная дверь в него не была снабжена кодовым замком. В подъезде было темно и отвратительно пахло. Поэтому я решил как можно скорее покончить с делом, ради которого и зашел в то жуткое место. Я намеревался внимательно проверить ширинку на брюках, поскольку подозревал: люди шарахаются от меня по той простой причине, что она расстегнута.

В жизни мне уже доводилось попадать в подобные пикантные ситуации. И хотя раньше публика не разбегалась, как тараканы на кухне, когда среди ночи включишь там свет, а, в худшем случае, уничтожающе хихикала, я не исключал того, что времена и нравы могли измениться с тех пор, как я в последний раз появился в обществе с расстегнутой ширинкой. Поэтому решительно потянулся рукой к замку-молнии.

Не успел дотянуться, как позади меня раздался странный звук, будто крепкую простыню сильными руками разорвали пополам. Вслед за тем в смраде подъезда закаркал старушечий голос. Почувствовал я себя столь же приятно, как крадущийся ночью к сейфу с секретными документами шпион, за спиной у которого раздался щелчок взведенного курка, и неотвратимая судьба голосом шефа контрразведки поинтересовалась: «Так, говорите, вы тут автобус ждете?».

– Ты что это там делаешь? – спросила старушенция с такой интонацией, будто заранее знала ответ, и вопрос задает лишь из вежливости, чтобы соблюсти формальности перед казнью.

От неожиданности я застыл и, откровенно говоря, растерялся. Ведь нечасто попадаешь в ситуацию, когда к тебе в темном, чужом и пропахшем испражнениями подъезде внезапно обращается незнакомая женщина, пусть и потерявшая товарный вид, а ты в это время безмятежно тянешься к молнии на брюках. Я мгновенно обратился к опыту прожитых лет, но, сколько там не рылся, так и не смог найти ничего хотя бы схожего с тем положением, в котором

оказался. Между тем, старушка востепенулась и перешла в решительное наступление. Судя по ее поведению, она не первый раз сталкивалась в темном подъезде с мужчиной, который подозрительно ведет себя у стенки. Преимущество было на ее стороне. У меня, в отличие от нее, не хватало боевого опыта.

– Ты что это там делаешь, я тебя спрашиваю?! – прошипела она так, будто сотни тысяч гадюк, собранных в боевую фалангу, одновременно крикнули «Ура!» на своем змеином языке; затем неожиданно перешла с шепота на тот противный ультразвук, которым, как я читал в каком-то желтом таблоиде, на псарнях живодеры умерщвляют собак. – Ах ты, негодяй! Вот я тебя и поймала! А я все думала, кто тут гадит? А это, оказывается, интеллигент к нам повадился. А еще такой приличный с виду мужчина!

Пока она продолжала сыпать укоризненными фразами, я оглянулся и оценил дислокацию сил. Старушка – она оказалась маленькой и сухонькой, хотя лица ее я отчетливо разглядеть не смог, – так вот старушка раскачивалась, будто сомнамбула, на площадке первого этажа рядом с открытой дверью в квартиру, в которой, видимо, и поджидала меня последние сорок-пятьдесят лет, прильнув к дверному глазку. И теперь, когда я, наконец, родился, вырос, окончил вуз, поступил на работу и угодил в ее сети, пенсионерка явно намеревалась скальпировать меня, для чего вдруг истошным голосом начала звать какую-то Маню.

Интуитивно я осознал, что Маней окажется еще одна злобная пенсионерка с огромными клыками, торчащими изо рта, как у известной героини народных сказок. Такие персонажи встречаются в нашем городе на каждом шагу. Стоит только заговорить о повышении тарифов на услуги ЖКХ, как они сами появляются рядом, вырастая, как поганки. Я мгновенно смекнул, что из рук двух разъяренных пенсионерок вырваться сложнее, чем из рук одной. И решил пусть и бесславно, но стремительно и своевременно покинуть поле разгоравшейся брани.

– Извините, – смущенно пробормотал я и выскочил из подъезда бодрым галопом, взбрыкнув копытами, как застоявшийся в стойле скакун.

Взвыв от досады и негодования, старушка бросилась за мной, одним прыжком преодолев лестничный пролет. Не оставалось иного, кроме как на глазах у изумленных прохожих рысью двинуться на юго-запад, стараясь максимально увеличить отрыв от престарелой преследовательницы. Первые двадцать метров мне не удалось уйти в отрыв. В какой-то критический миг даже показалось, что старая bestия вот-вот нагонит, запрыгнет на шею и вонзит острые пятки в мои вздымающиеся бока. Но силы старушечьи оказались не безграничны, и она была вынуждена прекратить преследование.

Я же продолжал бежать так, что уши мои развевались и хлопали на ветру, а пятки время от времени шлепали меня по затылку. Признаюсь, что в тот момент я был немного взволнован. Именно волнение помешало мне услышать дословно все, что рассказывала о нашей встрече зевакам старушка. Память сохранила лишь пару обрывков фраз, что-то типа: «и тут я вижу, как он достает из штанов свою интеллигенцию...» и «а еще он говорит, молчи старая, а то прибью...».

Пять кварталов спустя волнение отпустило меня. Я перешел с бега на ходьбу и утер рукой взмыленный лоб. Чувствовал себя так, будто только что спасся бегством от ревущего локомотива, причем удирал от него по шпалам и только через двадцать километров погони догадался с них спрыгнуть. В общем, те, кто удирал по шпалам от несущегося на крейсерской скорости локомотива, меня поймут.

На работу я пришел в дурном настроении. А кто бы пришел не в дурном, если бы знал, что половина населения города от него шарается, как лань от гепарда, а вторая половина только и судачит о том, как благочестивый с виду человек тайком в темном подъезде хватается за свою интеллигенцию? Словом, на душе было скверно, и вскоре мои опасения в том, что неприятности только начались, к сожалению, полностью оправдались.

Я теряю работу

А теперь настал черед познакомить вас с Гудомаровым-старшим. Он оказался единственным сотрудником редакции, который не сбежал при моем появлении, словно робкий первоклашка, узревший на горизонте школьного хулигана. Напротив, будто жаждал встречи со мной. Остальные вели себя примерно так же, как и знакомые, встреченные по пути на работу. Сидевший на входе охранник, увидев, как я вхожу в дверь, ловко проглотил дымящуюся сигарету и нырнул под стойку, наотрез отказавшись вылезать, пока я не исчезну из виду. На лестничной площадке я столкнулся нос к носу с уборщицей. Почтенная женщина преклонных лет, волоча ведро и швабру, медленно спускалась по лестнице, тяжело дыша. Даже на пути вниз каждый шаг давался ей с трудом.

Узрев перед собой меня, она побелела, развернулась на сто восемьдесят градусов и взлетела обратно по лестнице так стремительно, как, должно быть, не взлетала и по менее крутым лестницам во времена своей молодости, спеша на свидание к любимому кавалеру. Надо сказать, что передвигалась уборщица с громким звуковым сопровождением, так как попутно яростным ревом оповещала редакцию о моем появлении. Вероятно, благодаря ее стараниям здание словно вымерло. Поэтому я поднялся по пустой лестнице, прошел по пустым коридорам и первого человека встретил только в своем кабинете.

Это был студент-стажер, которого прикомандировали ко мне на несколько недель. Одну из них мы уже проработали вместе, и отношения у нас сложились прекрасные. Студент таскал мне из столовой обеды. А я позволял ему бить баклуши, обещая поставить зачет по практике, лишь бы он не мешал. Словом, если кто и должен был быть в редакции настроен ко мне благожелательно, то лучше претендента на эту роль, чем стажер, не найти. Когда я вошел, прыщавый юнец повел себя, мягко говоря, возмутительно.

Сначала он перекрестился и попытался солдатиком сигануть в окно. Не сумев его открыть, так как рамы были старательно заклеены на зиму еще лет шесть назад, он вспорхнул на шкаф с такой непринужденной легкостью, будто в детстве ходил в спортивную секцию по прыжкам на шкафы и даже завоевал несколько наград на соревнованиях по этому виду спорта. Я начал ему выговаривать по поводу того, что неприлично так себя вести и запрыгивать на шкафы, пусть даже ты и находишься в редакции газеты. Ведь существует множество людей, которые не запрыгивают на шкафы, даже если их об этом попросить. Я попросил стажера брать пример с тех, кто не запрыгнет на шкаф ни за какие коврижки. Но не успел закончить нравоучение, как на столе задребезжал старенький телефонный аппарат.

Прорывавший в трубке голос принадлежал Гудомарову-старшему, с которым я вас сейчас, наконец, познакомлю. Кажется, я упоминал, что Гудомаров-старший приходится Гудомарову-младшему братом. Поставив их рядом, трудно заподозрить матушку-природу в том, что братьев она выпустила на одном конвейере, пусть и с разницей в десять лет. Гудомаровы походили друг на друга так же, как лемур походит на гризли. А, пожалуй, даже меньше.

Старший из тех двух Гудомаровых, что я имел честь или несчастье знать, был детиной огромного роста, под два метра, массивного телосложения и обладал запоминающейся физиономией. Голову его, в целом, правильнее всего было бы сравнить с комодом из-за ее оригинальной формы. А выдвигавшаяся во время разговора нижняя челюсть лишь подтверждала справедливость такого сравнения. В молодости он явно упустил возможность стать громиллой из шайки головорезов.

Несмотря на внушительную внешность, которой позавидовал бы самый гориллообразный громила, выглядел он всегда респектабельно. Одевался в строгий костюм и мог сойти за члена регионального правительства. Не в пример ему, младший братец не затруднял себя выбором одежды перед выходом в свет. Потертые джинсы и свитер, а летом – клетчатая рубашка или футболка с хулиганской надписью или провокационным рисунком, – такой моде он следовал.

В спокойном состоянии Гудомаров-старший общался с окружающими голосом, похожим на рокот океанского прибоя, но по мере волнения его голос менялся. Иногда напоминал скрежет сошедшего с рельсов товарного поезда, иногда звук пожарной сирены. А когда Гудомаров-старший приходил в особо возбужденное состояние, что нередко случалось на редакционных планерках, то его можно было использовать при озвучивании фильмов о войне. В частности, в те моменты, когда на экране мелькают кадры артподготовки перед массированным наступлением сотысячной армии.

Наверное, вы уже догадались, что обладатель такой внешности и таких выдающихся голосовых данных не может быть человеком мягким и застенчивым. Гудомарова-старшего никто не мог упрекнуть в том, что он когда-либо в своей жизни отнесся к кому-либо с лаской и сердечностью. Его слепили из другого теста. Если ему чего и не хватало, так это хитрости и изворотливости, какими с избытком природа наделила его кровного братца. Если Гудомаров-старший при необходимости реально мог взять быка за рога и пригнуть его к земле, то Гудомаров-младший нашел бы способ без применения физической силы довести быка до такого истощения, что несчастное животное само рухнуло бы наземь и издохло в страшных мучениях. И еще молило бы небеса о том, чтобы конец наступил как можно скорее.

Я не настаиваю на том, что мое описание братьев Гудомаровых единственно верное и объективное. Ведь сумел же Гудомаров-старший как-то жениться. Возможно, его супруга находила прелестным тот водопадоподобный грохот, с которым у ее муженька выдвигалась нижняя челюсть перед тем, как что-нибудь сказать. Может быть, в маске свирепости, вечно сковывавшей его лицо, ей виделось неземное очарование. А огромные ручки с пальцами, способными походя размельчить камни в песок, представлялись изящными руками любовника, способными сыграть на женском теле, как на арфе. В конце концов, у каждой женщины собственный взгляд на мужскую красоту, и если уж ей что-то втемяшилось в голову, ее не переубедить.

Объединяла братьев Гудомаровых только весьма ценная способность упорно двигаться к намеченной цели и достигать ее. Правда, пользовались они разными методами. Теперь вы поняли, какой человек вызвал меня на ковер? Будучи от природы догадливым, по голосу Гудомарова-старшего, от которого задрожали оконные стекла, несмотря на то, что звучал он из телефонной трубки, я понял, что меня ожидает непростой разговор. Стремительно пронесшись по пустынной редакции, я влетел в редакторский кабинет, каким-то чудом успев вежливо постучать в его дверь.

Гудомаров-старший стоял у окна спиной ко мне и что-то сосредоточенно высматривал на улице. Возможно, выискивал тех неуловимых негодяев, что время от времени гвоздем выцарапывали на дверце его машины неприличные слова. Мое появление оторвало его от увлекательного занятия. Он обернулся, резко выдвинул нижнюю челюсть, грохнув сильнее обычного, и поинтересовался, читал ли я свежую прессу. Я ответил, что не читал, так как вообще не читаю прессу. Служение профессии с годами отбило привычку читать газеты и журналы, равно как и смотреть теленовости. Читать газеты для меня – все равно, что брать работу на дом.

Он с жаром заметил, что я, несомненно, многое упустил, не ознакомившись со свежей прессой за завтраком. И он готов предложить свои услуги, дабы исправить досадное упущение. Совершенно случайно на его редакторском столе оказался свежий номер газеты «Из первых уст», выпускаемой человеком, которого раньше многие по ошибке называли его младшим братом. Гудомаров-старший настоятельно рекомендовал тут же его прочесть, причем советовал начать с третьей полосы. Не последовать совету босса было бы неуважительно. Потому я послушно взял газетный номер, нашел третью полосу и погрузился в чтение.

Страницу занимала статья под заманчивым заголовком «Мэр – казнокрад?». Не стану вдаваться в подробности, дабы не утомлять читателя ненужными фактами. Думаю, что подобные статьи могут появиться во многих городах, где есть мэры. Суть сводилась к тому, что наш местный градоначальник будто бы разворовывал городские земли, распахивая их по карманам

родственников, одноклассников, соседей и собутыльников. А также без устали денно и ночью переписывал муниципальную недвижимость на домашних собак, кошек, хомячков и аквариумных рыбок. Автор не стеснялся в выражениях, и в конце статьи прямо поставил вопрос о возможном суде Линча над мэром, столь рьяно пекущемся о материальном благополучии домашних питомцев. Намеками, он призывал добропорядочных горожан брать с собой вилы, отправляясь на личный прием к мэру.

Заметив, что я закончил чтение, Гудомаров-старший, присевший в редакторское кресло, поинтересовался моим мнением о прочитанном. Я ответил, что написано слабовато. Стилистика не выдержана, много повторов и слов-паразитов. И вообще, по мере чтения складывалось впечатление, будто статью писал умственно отсталый ребенок, которому обещали леденец, если он напишет сочинение на свободную тему. Однако факты изложены вопиющие, и хорошему журналисту не мешало бы провести тщательное расследование.

– На твой взгляд, такая статья придется мэру по душе? – спросил вдруг Гудомаров-старший, постепенно подводя к тому, ради чего, собственно, и вызвал меня к себе.

– Трудно говорить за мэра, но мне, будь я на его месте, такая статья вряд ли пришлась бы по вкусу, – ответил я, не покривив душой.

А сам подумал: как, должно быть, неприятно было мэру узнать о том, что его грязные делишки, благополучно скрываемые от общественности много лет, вдруг всплыли на поверхность.

Редактор кивнул и сотворил то, что в литературе обозначают выражением «пожевал губами». В какой-то миг мне показалось, что крупный мужчина собирается в меня плюнуть. К счастью, не плюнул. Перестав «жевать», он спросил: не страдаю ли я тяжелыми хроническими заболеваниями, такими, например, как помутнение рассудка, падучая или нервное расстройство? Его также интересовало, не стал ли я в последние дни миллионером, сорвав куш в лотерею, или не стал ли мой брат, пусть даже и двоюродный, коронованным королем преступного мира? Затем Гудомаров-старший осведомился о моих связях в администрации президента страны и спросил, часто ли и много ли пью спиртного? На все вопросы я ответил отрицательно, что, похоже, его порядком озадачило.

Начальник некоторое время взирал на меня молча и настороженно, с задумчивой поволокой в глазах. Так, вероятно, смотрят туземцы на валяющегося на берегу аллигатора, прежде чем ткнуть его копьем, гадая, издох он или просто прилег отдохнуть и погреть бока на солнышке? Затем исполин недоуменно встряхнул головой. Он не мог поверить в то, что его теория оказалась неверна. Проверяя ее еще раз, он спросил, не случилось ли в моей семье случаев душевного расстройства и много ли моих предков закончили дни в лечебнице для людей, утративших душевное равновесие? Мне искренне хотелось ему помочь. Титанически напрягая память, я припомнил. Кажется, мой прапрадедушка по материнской линии однажды был изловлен на улице в состоянии белой горячки, однако она прошла у него через несколько дней. Редактор повеселел и посоветовал указать об этом, когда я буду рассказывать матушке о своем увольнении.

Настала моя очередь вытаращить глаз. Случаются разговоры, когда собеседники по очереди вытаращивают глаза. Вот и наш разговор можно отнести к данной категории. Сначала удивлялся Гудомаров-старший, теперь ничего не понимал я. И хотя поведение редактора, в целом, укладывалось в общую картину поведения моих знакомых в тот день, я не мог нащупать нить, которая вывела бы меня из лабиринта загадок, в глубине которого я оказался. На ум приходило объяснение – каким-то непостижимым образом знакомые за ночь обзавелись аллергией на меня. Происходящее можно было также объяснить массовым помешательством, однако версия с аллергией нравилась мне больше.

Причина оказалась куда более прозаичной, и указал мне ее Гудомаров-старший. По его настоянию я вновь открыл третью полосу ради того, чтобы прочесть имя автора данного опуса,

отпечатанное под текстом. Признаться, читая статью, я не обратил внимания на этот пустяк. Но теперь обратил и, надо сказать, что дух у меня сперло, воздуха катастрофически стало не хватать, температура тела подскочила градусов до 48, сердце заметалось в правой пятке, а кишечник предательски булькнул. Подобные чувства я испытал, когда будучи лет десяти от роду оказался застигнут бдительным сторожем в колхозном саду, где воровал незрелые яблоки.

В тот раз я отделался зарядом соли, угодившим мне в задницу. И теперь ощутил острое желание, чтобы и сейчас кто-нибудь пальнул по моему мягкому месту, и тем бы все и закончилось. Ибо под статьей стояла подпись – Андрей Разумовский. Дело в том, что я прекрасно знаю человека с таким именем. Знаю его с детства и знаю лучше, чем все остальные жители планеты Земля. У Андрея Разумовского нет от меня секретов, так как Андреем Разумовским являюсь я сам. Пока я с возрастающим чувством приближающейся катастрофы пялился на свое имя в газете, Гудомаров-старший закурил, что у себя в кабинете он делает в исключительных случаях. Обычно редактор посещает курилку. Благодаря курилке он когда-то стал редактором, снискав в ней расположение предыдущего редактора, ушедшего на пенсию и назначившего его преемником.

– Знакомое имя, не правда ли? – вкрадчиво спросил он, щурясь то ли от предвкушения скорой расправы, то ли от табачного дыма.

– Да, определенно, имя знакомое, – кивнул я, понимая, что глупо в подобной ситуации опираться и утверждать обратное.

Его прищур не предвещал хорошего.

– Представляешь, утром беру газету, читаю и вдруг вижу, что одну из статей... хм, если ее можно так назвать... написал автор со знакомым именем, – доверительно, будто делился сокровенным с другом детства, продолжал Гудомаров-старший. – Оно не оставило меня равнодушным. Вовсе нет. Я воскликнул: ба, да это же Андрей Разумовский, один из лучших моих репортеров! Человек, которому я доверяю, как самому себе! Человек, который никогда не скажет обо мне за глаза дурного! Человек, который не воткнет нож в спину! Правильно?

– Правильно, – подтвердил я после того, как с заметным усилием мне удалось проглотить ежа, взявшегося откуда-то в горле.

– Вот и мэру я сказал то же самое, – гнул свое Гудомаров-старший. – Он, знаешь ли, тоже прочитал статью, и не остался равнодушен. Мэр даже позвонил мне, чтобы поделиться впечатлением от прочитанного. Он был красноречив и эмоционален. Не скажу, чтобы хвалил автора, но говорил о нем без умолку. Сейчас точно и не вспомню что, но кажется, что-то о том, что автору в городе больше не жить, и что он, то есть, мэр, сделает все возможное для того, чтобы человека по имени Андрей Разумовский как минимум сослали на вечную каторгу в Сибирь. Еще он сказал, что не станет плакать и объявлять день траура, если мерзавца по имени Андрей Разумовский случайно переедет дорожный каток. Ну, ты понимаешь, что слова мэра я передаю после некоторой редакторской обработки. В оригинале они звучали иначе, я бы сказал, менее сдержанно.

– Хм... – глубокомысленно заметил я, и это было лучшее, что я мог в тот момент сказать.

– Потом позвонили из администрации области. Намекнули, что если я сегодня на работе случайно пристрелю сотрудника по имени Андрей Разумовский, то мне это сойдет с рук. Дескать, уголовное дело не заведут, списав происшествие на несчастный случай. Или на самоубийство. В наше время развелось столько самоубийц! Шагу нельзя ступить, чтобы не наступить на парня, сбросившегося с крыши. Я, правда, сказал, что у меня, к сожалению, нет ни ружья, ни пистолета. И тогда мне обещали подвезти оружие в любое удобное время. Ты побелел или мне показалось? Честно говоря, сначала я всерьез обдумывал этот вариант. Но потом посоветовался с супругой, и она подсказала выход. Я уволю тебя за прогулы. Говоришь, у тебя нет прогулов? Ну что ты, как маленький! У тебя есть прогулы, просто ты о них еще не знаешь. Так что объявим тебе пару выговоров и выставим за дверь. Зато мне не придется делать

зарубку на прикладе охотничьего ружья. Хотя, если возражаешь, я пойду против принципов и сделаю зарубку.

Мне все еще не хватало воздуха. Задыхаясь и чувствуя себя, как выброшенная на берег рыба, я кое-как, запинаясь и икая от волнения, все же объяснил Гудомарову-старшему – знать ничего не знаю и понятия не имею о том, как появилось в опальной газетенке под жуткой статьей мое имя. По-моему, несмотря на сбивчивость, объяснение прозвучало убедительно. Дитина остался глух. Он и не пытался внять моим доводам, пока меня вдруг не озарила спасительная мысль.

– А что, если это псевдоним?! Или статью написал мой тезка?! – орал я, бегая, как оголтелый, по редакторскому кабинету и выдвигая гипотезу за гипотезой. – Или меня решили подставить, чтобы занять мое место в отделе новостей! Знаете что? Позвоните брату. Он подтвердит, что я не писал грязных статей в его газету. Дайте шанс! На моем месте может оказаться любой! Что, если завтра ваш брат подпишет статью вашим именем? Тогда вас тоже вышвырнут на улицу, как меня, без жалости и сострадания. Но когда вы будете бродить по свалкам в поисках еды и коробки, в которой можно было бы поселиться на пару лет, я, в отличие от вас, без сомнения протяну руку помощи.

Последние слова, похоже, заставили Гудомарова-старшего задуматься и взглянуть на происходящее под другим углом. Он схватил телефон и набрал номер Гудомарова-младшего. Я мысленно возликовал, так как был уверен в полном оправдании. Жалкий сморчок подтвердит мое алиби. Передо мной извинятся и, может быть, повысят до заместителя главного редактора. Дадут прибавку к окладу, служебный автомобиль и неделю дополнительного отпуска. Я уже думал над тем, что неплохо попросить и личного секретаря, когда Гудомаров-старший закончил разговор с братом и взглянул на меня с тем сочувствием в глазах, с которым крестьянин смотрит на корову, приговоренную к бойне.

– Ну? – спросил я, решившись нарушить затянувшееся молчание.

– Брат подтвердил, что статью написали вы, – ледяным тоном ответил Гудомаров-старший. – Вы уволены.

Я нахожу работу

Будучи человеком от природы миролюбивым, я считаю себя пацифистом. К сожалению, хулиганы всегда считали так же, поэтому в детстве часто приходилось драться. То была необходимая самооборона. Первым я не нападаю никогда, это меня начинали мутузить. Когда я вырос и повзрослел, бывало, что у меня чесались кулаки после резкого разговора с каким-нибудь хамом, вроде редактора того отдела, из которого меня уволили. Но не припомню, чтобы они чесались с такой силой, как в день, когда я не по своей воле покинул ставшую родной редакцию.

Я уходил в гордом одиночестве. Никто не провожал меня, не говорил сочувствующих и ободряющих слов. Наверное, так уходили из древних селений прокаженные, когда их выпихивали оттуда палками и прогоняли камнями. Только наша уборщица, спрятавшись в женском туалете, через щелку в приоткрытой двери подглядывала за тем, как журналист покидает здание, всеми преданный и презираемый.

Лишь мысль о том, что надо добраться до Гудомарова-младшего и свернуть ему шею, удерживала от намерения пойти и утопиться в ближайшем пруду. Мне доставляло удовольствие думать о том, как я выпущу ему кишки или забью до смерти тяжелыми сапогами, специально подкованными и снабженными мощными стальными шипами. Гудомаров-младший твердо встал в ряд людей, к которым я не мог относиться равнодушно.

У меня оставалась цель в жизни, пусть она и обрела иные очертания. Раньше грезились счастливое будущее, подпитываемое неиссякаемым материальным достатком и сопровождаемое приложением в виде обворожительной супруги и трех похожих на меня карапузов. Теперь

цель трансформировалась в жгучее желание добраться до Гудомарова-младшего и каблуком раздавить ему кадык, уж простите за жуткие подробности. Человеческая фантазия безгранична. Порой, она рисует страшные картины. Вот и моя фантазия разыгралась не на шутку. Если бы можно было присоединить к моему мозгу датчики и снять на видео все, что она демонстрировала, вышел бы сносный фильм ужасов.

В душе бушевала буря, и я решил успокоить ее живительной влагой. Я был молод и здоров. А каждому молодому и здоровому человеку, как бы ни претили законы страны, в которой он проживает, время от времени необходимо пропустить стаканчик. Так повелела природа. Потребность испить, порой, испытывает каждый, даже если он убежденный трезвенник. Присмотритесь к старцам, которые на закате жизни любят дать интервью-другое молоденькому журналисту. Они с гордостью говорят, что дожили до преклонных лет лишь благодаря воздержанию. Но от внимательного уха не укроется, что говорят они об этом не без толики горести. Не наше дело их осуждать. Каждый сам решает, как ему прожить отведенное время. И если кто-то считает, что воздержание удлинит его жизненный путь или сделает его лучше, пусть считает. В конце концов, он сам вершит свою судьбу, или судьба указывает ему такой путь.

Не знаю, как именно устроен этот механизм, но лично я решил положиться на выбор судьбы. Известно, что трезвым и пьяным она благоволит по-разному. Последних бережет, как ценное дитя. И позволяет вытворять такое, что трезвому непозволительно. Да и, согласитесь, глупо отправляться на расправу, не подкрепившись бокальчиком чего-нибудь крепкого. Словом, я положился на волю судьбы, а она в награду за оказанное доверие привела меня в дешевую закусочную. Там перед работой, во время обеденного перерыва и после работы всегда можно встретить пару-тройку ребят из нашей редакции. Впрочем, их можно встретить там и в разгар рабочего дня. Когда я вошел, в закусочной точно находилось несколько наших. Но при моем появлении их как ветром сдуло. Я подивился тому, куда они делись, мимо меня в двери никто не выбежал. Возможно, выскочили в окна или через черный ход.

К сожалению, бармен не последовал их примеру, и остался за стойкой, как всегда величавый и невозмутимый. Так что за выпивку пришлось заплатить. Я взял сто граммов дешевой водки с ароматом жженой резины, бокал пива и два бутерброда. Опорожнив рюмку и словав бутерброд, который, видимо, приготовили из подметки, я снова заказал выпивку и повторил операцию, рискуя здоровьем проглотив и второй бутерброд. После третьих ста грамм ощутил острую потребность в общении и схватил за руку случайного бродягу. Судьба сама подвела его к моему столу и его устами попросила пять рублей на хлебушек. Вместе мы выпили еще и поговорили по душам. В конце беседы он признал, что мое положение хуже, чем у него, и пригласил в случае нужды ночевать к себе на теплотрассу. Расстались мы отличными друзьями. Наутро я помянул его недобрым словом, не обнаружив в бумажнике наличности.

Естественно, расправы над Гудомаровым-младшим в тот день не случилось. Я даже не помнил, как добрался домой. Утро встретило дикой головной болью. В таком состоянии даже корсиканец отложил бы кровную месть до лучших времен. Для восстановления физических сил и душевного равновесия необходимо время. Поразмыслив, я согласился с этим утверждением и позволил себе неделю отдыха. Когда же означенный срок миновал, я с удивлением отметил, что жажда мести жжет изнутри уже не так сильно, как в момент позорного увольнение. Конечно, языки пламени еще лизали нутро, но пламя затухало на глазах. В конце концов, решил я, отомстить Гудомарову-младшему можно, когда подвернется удобный случай. Например, когда он будет прогуливаться по улице, а я в тот момент по стечению обстоятельств окажусь прямо над ним на крыше с кирпичом в руке.

Что поделаешь, но так устроены мы, благородные люди. Мысль о том, что я поступаю благородно, отказавшись от плана выдавить голыми руками Гудомарову-младшему глаза, вырвать у него раскаленными клещами язык и отрубить пальцы на руках, привела меня в хорошее настроение. До того неплохое, что я, стоя перед зеркалом и готовясь к выходу в свет, вроде

бы даже напел несколько веселеньких мотивчиков, услышанных по радио. Я собирался отправиться на поиски работы, прекрасно понимая, что ничто так не помогает трудоустроиться, как личные визиты к потенциальным работодателям.

Таковых в моем списке было предостаточно. Возможно, это прозвучит нескромно, но я считался одним из лучших журналистов в области, а на такую рабсилу существует спрос. Специалиста моего уровня в любой газете примут с распростертыми объятиями. Я мог согласиться на небольшое снижение, по сравнению с предыдущим местом работы, зарплаты, так как знал, что быстро выбьюсь в первые ряды. Будущее выглядело оптимистичным, а действия братьев Гудомаровых вкупе казались теперь не более чем дурной выходкой, свойственной их семейке.

К вечеру мое настроение испортилось, так как в редакциях мне дали от ворот поворот. Главные редакторы наотрез отказались встречаться, будто я был слизняком, словно младенец просившимся на ручки. А единственный из этой братии, с кем удалось пообщаться, едва не отдал концы. Я застукал его в закуской за обедом, состоявшим из бокала пива и воблы. При виде меня он поперхнулся, весьма натурально закашлялся, посинел и рухнул на пол, всем видом давая понять, что сейчас очучурится. Завсегдатаи забегаловки, возможно, из желания не потерять собутыльника, не дали ему отойти в мир иной и каким-то образом его откачали.

Придя в себя, он с трудом сфокусировал на мне зрение и вздрогнул всем телом. Поняв, что умереть не удастся, бедняга дрожащим голосом заявил, что еще не настолько пропил мозги, чтобы принять меня на работу. И настоятельно просил, чтобы о нашей встрече я никому не рассказывал, даже под пыткой в органах госбезопасности. Я дал такое обещание. Только тогда он по секрету сообщил, что мое имя внесено самим губернатором в «черный список». А значит, на работу по специальности мне не устроиться ни за какие деньги. Стоит ли повторять, что после такого дня настроение мое немного испортилось?

Пробивной человек на моем месте не смирился бы и бросил бы вызов обстоятельствам. Он громогласно рассмеялся бы и ринулся бы в контратаку, сметая по пути редакционные двери. И, возможно, добился бы того, чтобы его отвезли в спецучреждение и изолировали от мира в комнате с мягкими стенами. Но я был не таков. Отчаяние с новой силой охватило меня. В жизни каждого человека случаются моменты крайнего отчаяния, и тогда его поведение становится непредсказуемым. Вот и я сошел с накатанного пути и записался на прием к господину Бубликову.

В нашей области каждый журналист знает, кто такой Бубликов. Это седовласый, пусть ему всего около сорока пяти лет от роду, господин, курировавший в областном правительстве работу местной прессы. Неофициально, конечно. Официально работу прессы никто нигде не курирует. Господин Бубликов занимал пост помощника губернатора по информационной безопасности. Но все были осведомлены о том, что именно он держит в руках бразды правления информационным пространством региона. Бубликов вычитывал за редакторами бюджетных газет сверстанные номера и негласно подписывал их в печать. Он поистине являлся тем серым кардиналом, о которых так любят рассказывать писатели-историки, разгребая интриги прошлого.

По пути к Бубликову я притормозил у киоска и приобрел свежий номер газеты «Из первых уст». На ее страницах нашел тот же топорный стиль и те же вопиющие факты, свидетельствующие о том, что мы живем в обществе высокопоставленных казнокрадов. Складывалось впечатление, что в нашем городе нельзя плюнуть, чтобы не попасть в чиновника-казнокрада. А еще, к великому ужасу, я обнаружил в газете знакомую фамилию под тремя, на сей раз, статьями: Разумовский.

При таких обстоятельствах являться на поклон к Бубликову было опасно. Выйти от него я мог уже в наручниках за какое-нибудь надуманное преступление. Возможно, я слегка накрутил себя. Но когда сердце подскакивает в голову и, заменив собой мозг, начинает гулко стучать в висках, тут не до здравых размышлений. Я подумал, что Бубликов тоже может оказаться

чиновником-казнокрадом. А неизвестно об этом лишь потому, что газета «Из первых уст» просто не успела про него написать. Глупо же я буду выглядеть, явившись к нему с просьбой о работе.

И я принял то единственное разумное решение, которое мог, на мой взгляд, принять. Я нашел на последней полосе газеты адрес редакции и отправился туда, чтобы, наконец, намять бока зарвавшемуся редактору-учредителю. Редакция располагалась на одной из окраинных улиц в пристройке к многоэтажному панельному дому. Такие районы чаще других фигурируют в милицейских сводках происшествий. Видимо, раньше в пристройке размещался магазин, скорее всего, овощной. Наверное, он разорился и съехал, а нового владельца пристройка долго не могла найти. Что и неудивительно, учитывая месторасположение. Кого заманишь в такое захолустье? Разумеется, кроме живущих там людей. Впрочем, у них просто нет выбора.

Над дверью в пристройку красовались две таблички. На одной, выцветшей от времени, было аккуратно выбито под трафарет: «Сдается в аренду». На другой, картонке от коробки, маркером от руки было начертано: «Редакция газеты «Из первых уст». Открыв тяжелую металлическую дверь и войдя внутрь без стука, я прошел через тамбур длиной метра в полтора и ступил в полутемное помещение. В нос ударило странное ассорти из запахов. Пахло сыростью и гнилью, к которым примешивался аромат недорогого мужского парфюма и чесночной колбасы. Дедукция подсказала, что слопали ее за пару минут до моего появления. А значит, живые существа посещают обитель скорби и печали.

Сделав шаг, я наткнулся на металлическую строительную тележку, больно ударившись ногой. Затем бедром напоролся на стол, поставленный зачем-то посреди прохода. Возможно, он служил преградой на пути незваных гостей вроде меня, чтобы дать редактору время улизнуть через черный ход. Позже я узнал, что черного хода там нет. Постепенно глаза привыкли к тусклому свету, скупому сочившемуся сквозь грязные окна. Я разглядел помещение. Это был просторный, явно торговый, в прошлом, зал, заставленный разломанными и расшатанными стульями и столами, среди которых затесались несколько школьных парт, этажерками, мешками с мусором и прочим хламом. Все было заляпано краской. Складывалось впечатление, будто кто-то затеял тут ремонт, но бросил его и сбежал, до смерти напуганный армией призраков.

Менее всего помещение напоминало редакцию. Уж поверьте, я бывал в разных редакциях. Некоторые с полным основанием можно назвать свинарником. Однако то, что предстало моим глазам, не шло с ними ни в какое сравнение. Я решил, что ошибся, несмотря на табличку над дверью. Возможно, Гудомаров-младший арендовал помещение, но пока сюда не въехал. Трудно представить, чтобы творческий человек мог трудиться в условиях, один вид которых вызвал бы инфаркт в груди честного санинспектора. Да что там творческий, любой нормальный человек вряд ли смог бы тут трудиться.

Как выяснилось, я плохо знал Гудомарова-младшего, который своим присутствием развеял мои сомнения.

– А, это ты, дружище! – воскликнул он из груды хлама с таким восторгом, будто затея с арендой заброшенного бомбоубежища имела целью вот эту нашу встречу. – Я ждал тебя еще на прошлой неделе. Проходи, не стесняйся, как говорится, почувствуй себя, как дома.

– Хм... – ответил я, все еще не узрев среди куч старой мебели и мусора собеседника. – Боюсь, вряд ли у меня получится. Ты где? В каком из мешков с мусором прячешься?

– Не правда ли, отличное помещенье? – продолжал Гудомаров-младший тем неунывающим тоном, который в некоторых ситуациях кажется неуместным и вызывает легкое раздражение. – Арендую за сущие копейки. И я намерен поторговаться и сбить цену вдвое. Царские хоромы! Наверное, ты еще не все разглядел. Здесь плохое освещение, надо привыкнуть. Офис некоторое время не использовался, и провода слегка подгнили. Я не специалист, но, кажется, их надо заменить. Дружище, как считаешь, если тебя дважды ударило током при попытке вклю-

чить свет, надо целиком менять проводку или достаточно заменить выключатель и пару проводов? Однажды искры посыпались с потолка, в том месте, где должен, по идее, висеть плафон. Произошел небольшой пожар. Но все, как говорится, поправимо. Ты пришел, чтобы узнать, как у меня идут дела? Дела идут превосходно. Еще немного, и я ворвусь в первую сотню миллиардеров по версии журнала «Форбс».

Голос его действовал магически. Помните, я рассказывал, как впал в благодушное настроение и милостиво простил Гудомарову-младшему его вину передо мной? Так вот, сейчас я отругал себя за малодушие. А языки пламени, казалось, навеки утихшие, встрепенулись и яростным наждаком начали облизывать нутро, добрались до клыков и начали их точить, подготавливая к глубокому проникновению в шею Гудомарова-младшего с последующим перекусыванием сонной артерии. Я пожалел, что явился с голыми руками. Перед визитом следовало прилично вооружиться и запастись железным алиби на случай, если спустя пару дней явятся усталые оперативники и поинтересуются, где я был и что делал в период с восемнадцатого по двадцать первое апреля.

– Тут и кую капитал, – безмятежно продолжал Гудомаров-младший, не подозревая, какая опасность ему грозит. – Здесь издается самая правдивая и гениальная газета страны. Дружище, ты наверняка ее читал и оценил по достоинству. Ее уже все оценили по достоинству. Журналисты выстраиваются в очередь, чтобы я оказал им честь принять их на работу. Не беспокойся, тебя это не касается. Ты получишь место вне конкурса. Станешь нашей звездой. Не пройдет и месяца, как твое имя с трепетом будут произносить все в этой области, начиная с двухлетних малышей и заканчивая столетними старцами. Станешь ведущим автором. Сам губернатор будет просить тебя об аудиенции или как оно там называется... Ах да, будет просить об интервью. Кстати, дружище, ты принес трудовую книжку? Или хочешь, чтобы мы заключили договор об оказании информационных услуг?

Кажется, я зарычал, потому что Гудомаров-младший проявил чуткость и поинтересовался, не болен ли я? Я ответил, что даже если и болен, то никакая болезнь не мешает мне сделать то, зачем я явился в этот филиал ада на земле. И попросил его по-хорошему выбраться на свет из груды мусора. Когда же он поинтересовался причиной, честно рассказал о планируемой расправе.

– Расправа? – казалось, в его голосе звучит неподдельное изумление. – О какой расправе ты говоришь, дружище? Надо мной? Но за что?

– Ты и сам прекрасно знаешь, за что, – процедил я сквозь зубы с видом палача, к которому с мольбой о пощаде обратился приговоренный к казни. – И не называй меня дружище.

– Дружище, ты, наверное, злишься за то, что под парой проходных и никому неинтересных статей я поставил твое имя? – догадался он, наконец, все еще не желая предстать пред мои очи.

– Да, есть немного, – признал я, продолжая закипать. – Знаешь, по пути сюда мне попался оружейный магазин. Я не смог удержаться и зашел туда. За прилавком стоял разговорчивый парень. Он прекрасно разбирается в оружии и знает, как умертвить жертву и не оставить следов.

– Да? Как интересно! Покажешь магазин? В последнее время меня преследует мысль о том, что надо на всякий случай прикупить пару пистолетов. Дружище, мы живем в сложные времена, когда без пистолета опасно даже за хлебом сходить. На твоем месте я бы тоже заскочил в оружейную лавку и выложил наличность за хороший дробовик, подходящий для охоты на дикого слона и прочую надоедливую живность.

– Когда он узнал, на кого я буду охотиться, то рекомендовал воспользоваться арбалетом или ножом. Их можно купить, не оформляя разрешение.

– Отличный выбор, что и говорить! Парень явно знает толк в оружии! Ну и как, ты приобрел арбалет и нож?

– Выйди и узнаешь, – зло прошипел я.

– Видишь ли, дружище, я не смогу выйти из укрытия, пока не удостоверюсь в том, что моя невинная шутка тебя не обидела, и ты не вынашиваешь планов кровной мести, – серьезно ответил он после небольшой паузы. – Полагаю, ты разумный человек и не обделен чувством юмора, а потому давно понял глубину моего грандиозного плана по твоему спасению.

– Моему спасению?! – заорал я, пораженный до кончиков ногтей на ногах и кончиков волос на груди. – Хочешь сказать, что спас меня?

– Еще бы не спас, – довольно хмыкнул он из кучи мусора. – Взгляни на ситуацию так, как вижу ее я. Кем ты был две недели назад? Никем. Посредственный журналист в заштатной газетке областного правительства. Ни свободы, не перспектив. До каких высот ты мог дорасти?

– До заоблачных, – ядовито парировал я. – Мог стать главным редактором газеты областного правительства, тираж которой, между прочим, самый большой в регионе. Мог перейти на работу в федеральное издание или перебраться в пресс-службу губернатора. Меня ожидал стабильный заработок, не зависящий от мировых финансовых кризисов, потому что зарплату я получал из бюджета. Я хотел написать роман, который, возможно, принес бы мне всемирную славу и состояние. А теперь единственное, что могу сделать, так это стукнуть доской по твоей никчемной башке и проверить сомнительную теорию о том, что у тебя есть мозги.

– Ну, ну, ну, ну, ну... – осуждающе зацокал он в ответ. – С таким подходом к делу не сделаешь блестящей карьеры. Дружище, ты мыслишь слишком узко. Надо смотреть на ситуацию шире. И ты узришь грандиозные возможности, которые открываются перед тобой теперь. Я освободил тебя от пут, связывавших по рукам и ногам. Они сковывали твое сознание. А теперь ты свободен! Тебя никто не ограничивает, ты сам хозяин своей судьбы! Послушай, дружище, мы с тобой вместе горы свернем. Не пройдет и полгода, как наши имена будут вычирикивать воробы, сидя на проводах, а банки откажутся у нас принимать деньги, потому что нашими вкладами у них и так будут забиты хранилища.

Он долго нес подобную чушь. Но я вынужден, к стыду, признать, что его красноречие подействовало на меня так же магически, как действует на обладателей заблудших душ проповедь лидера религиозной секты. Он убедил меня в том, что теперь открываются отличные перспективы, и что моя прежняя жизнь была лишь приготовлением к выполнению великой миссии. Я слушал его зачаровано, с открытым, должно быть, ртом. Языки пламени больше не лизали меня, подбивая на кровавую месть.

Я ощутил силы и желание сделать что-то полезное для общества – вывести на чистую воду чиновников-казнокрадов, помочь обездоленным, поднять огромный пласт проблем. Чувствовал себя борцом за справедливость, Спартакком, несущим свободу рабам, Прометеем, зажегшим огонь не только в очагах, но и в душах. Чувства были настолько сильны, что я без колебаний поставил подпись на бланке трудового договора, когда Гудомаров-младший выскочил из укрытия и сунул мне в руки бланк и шариковую ручку.

И только дома опомнился и сообразил, что прохиндею удалось принять меня на работу в свою газетенку. Зубы мои снова заскрежетали от злости и досады. С другой стороны, позже подумал я, выпив пива, у меня появилась работа. Ах, если бы я знал, что она принесет, то порвал бы на мелкие клочки трудовой договор, собрал бы котомку и босиком отправился туда, куда глаза глядят.

Мы набираем штат

Написав заявление о приеме на работу в газету «Из первых уст», я увеличил ее штат ровно вдвое. Несомненно, Гудомаров-младший был этому рад, и тут же свалил на мои плечи половину груза. В обязанности мне вменялось не только писать статьи, но и редактировать и верстать их. Причем на домашнем компьютере, потому что рабочего не было. Статьи надлежало отправлять в типографию. А в день выхода очередного номера мне было поручено ран-

ним утром забирать напечатанный тираж в типографии и развозить на такси по точкам сбыта – газетным киоскам и частным распространителям. На себя Гудомаров-младший взял, как он выразился, самую тяжелую часть работы. Выражалась она в том, что он вел переговоры, заключал контракты с типографией и распространителями, и занимался финансовыми операциями.

Такое положение дел меня в корне не устраивало. Я наотрез отказался развозить тираж по киоскам. Не то, чтобы мне не нравился физический труд. Он укрепляет тело. И я был не прочь сбросить лишние килограммы, накопившиеся за время безмятежной работы, и подкачать мышцы, сделав их рельефными. Но заниматься тем, чем не должен заниматься журналист, не хотелось. Об этом я прямо заявил Гудомарову-младшему, когда под вечер моего первого рабочего дня он вернулся в редакцию с очередных, «переговоров». На лице у него играла безмятежная улыбка. А исходившее от него благоухание алкогольных паров свидетельствовало о том, что переговоры он провел в приятной и непринужденной обстановке.

Я объяснил олуху: для того, чтобы редактировать статьи, газете нужен редактор; для того, чтобы в статье не закралась ошибка, их должен вычитывать корректор; для того, чтобы полоса смотрелась органично, ее должен верстать специалист, способный выполнять обязанности дизайнера; для того, чтобы таскать тираж по газетным киоскам, нужен распространитель; и, наконец, для того, чтобы затея приносила прибыль, необходимы коммерческий директор и бухгалтер.

– А журналист нужен для того, чтобы искать темы, раскручивать темы и излагать все на бумаге так, чтобы газета стала товаром повышенного спроса, – заявил я, и с шумом выдохнул, давая понять, что лекция закончена.

Во время монолога начальник глубокомысленно кивал, хотя глаза его и косили в разные стороны.

– А знаешь, в твоих словах есть доля смысла, – ответил, поразмыслив и пару раз икнув, Гудомаров-младший.

Мы сидели в редакции на столах, предусмотрительно подстелив под себя газеты. Между нами горела свеча. Проводка, как и говорил Гудомаров-младший, немного подгнила – ровно настолько, чтобы в любой момент могла спалить редакцию, вздумай мы воспользоваться ее услугами. Условия можно назвать уместными для газеты, именующей себя независимой и обещающей рассказывать людям только правду, какой бы горькой и страшной она ни была. Мы чувствовали себя революционерами-подпольщиками.

– Я тут пораскинул мозгами, пока ты проводил время в праздном безделье, и пришел к выводу, что нам необходим коллектив, – невозмутимо заявил Гудомаров-младший, словно забыв о том, что мысль о наборе кадров буквально минуту назад была озвучена из моих уст, из первых, так сказать, уст. – Нужен бухгалтер, он же финансовый директор, распространитель, он же коммерческий директор, верстальщик, он же дизайнер, и корректор.

– Еще нужны журналисты, – добавил я, сделав вид, что не заметил наглого плагиата.

– Зачем нам журналисты? – изумился он, перестав загибать пальцы. – У нас же есть ты.

– Хочешь выпускать настоящую газету, которая будет приносить в кассу звонкую монету, а имя твое вознесет на крыльях славы, или тебе нужно то подобие стенгазеты, которую ты тут умудрялся издавать в одиночку? Если нужна серьезная газета, придется раскошелиться и нанять еще двух-трех репортеров. Один я не потяну, и не проси. Да и четыре работяги будут едва справляться с обязанностями, учитывая цели, которые ты ставишь. Одно дело, когда работаешь в бюджетной газете и черпаешь информацию из официальных источников. И совсем другое, когда надо что-то разнюхать. На такие материалы, порой, уходят месяцы. Невозможно ведь позвонить мэру и спросить у него, сколько земли он украл у муниципалитета? Вернее, позвонить можно, но он вряд ли ответит. Значит, журналисту придется разнюхивать, добывать документы, встречаться со сведущими людьми и уговаривать их открыть правду. Надо прово-

дить расследование. А чтобы газета выходила без сбоев, нужны другие журналисты, которые заполнят номер материалами в то время, когда их коллега ведет расследование.

Все это я произнес на одном дыхании, и, закончив, с шумом перевел дух. Гудомаров-младший выглядел обескураженным. Похоже, мои слова тронули его, и только сейчас он по-настоящему понял, во что ввязался. В его глазах, как в кассовом аппарате, замелькали цифры. Он подсчитывал расходы, связанные с наймом трудового коллектива.

Я напомнил, что для работы редакции нужна еще и оргтехника – телефоны, компьютеры, факсы, интернет и прочая мелочь, типа официального сайта, без которой в современных условиях издание газеты невозможно. Он окончательно поник, и остаток рабочего дня просидел на полу, нахмурившись, в углу у мешка со строительным мусором. В руках у него были блокнот и ручка. Гудомаров-младший занимался арифметическими подсчетами.

– Три миллиона! – воскликнул он, наконец, из угла, заставив меня вздрогнуть от неожиданности.

– Что?...

– Нужно три миллиона рублей на год, – возбужденно проорал он, победоносно размахивая блокнотом – прямо Наполеон, покоривший очередную страну, считавшую себя непобедимой, и только что назначивший ей контрибуцию. – Я все подсчитал – расходы на технику, на зарплату, на оплату услуг типографии, на транспорт и прочее. Вышло три миллиона рублей.

– Что ж, рад за тебя, – хмыкнул я. – Осталось найти три миллиона. Кстати, они у тебя есть?

– А как же, – гордо расправил он плечи, хотя его растерянная улыбка, пробежавшая по тонким губам, меня обеспокоила. – Дружище, неужели ты думаешь, что я ввязался бы в такое дело, не заручившись поддержкой сильных мира сего?

– Так у тебя есть таинственный всесильный покровитель?

– А то...

На том я и успокоился, ибо был всего лишь наемным работником. Не мое дело беспокоиться из-за финансовых проблем. Набором кадров мы с Гудомаровым-младшим решили заняться совместно, временно приостановив выпуск газеты – до тех пор, пока не наберем боеготовый коллектив. Благо, наступали майские праздники, и многие газеты на две недели приостанавливали выпуск номеров.

Мне было поручено подобрать кандидатов для творческой работы, Гудомаров-младший обещал набрать технический персонал. Меня такое распределение обязанностей устроило, и я приступил к их выполнению. Сделать это оказалось нелегко, хотя безработных и низкооплачиваемых журналистов в нашей области, хоть пруд пруди. Большинство из них бросали телефонную трубку, едва услышав мой голос. А те, кого я навестил лично, захлопывали передо мной дверь, предварительно побелев и покрывшись гусиной кожей.

К аллергической реакции на мое появление я привык, и она меня не расстраивала. Наоборот, родился охотничий азарт. Я поклялся, что найду трех работников, чего бы это ни стоило. Подстегивало и то, что Гудомаров-младший проявил большую прыть, и со своей миссией справлялся лучше меня. Первым делом он притащил в редакцию рабочих какой-то южной национальности, приступивших к ремонту. Меня это порадовало. Я не представлял, как заманить коллегу на работу в редакцию, которую местные жители по понятным причинам путают со свалкой мусора.

Прошла еще пара дней, и Гудомаров-младший приволок, или правильнее сказать, прикатил, с трудом пропихнув сквозь дверной проем, в редакцию бухгалтера – некую особь, отзывавшуюся, хотя и неохотно, на имя Тамара Петровна. Это была тетка с каскадом подбородков вместо шеи. Некоторые вспоминают ее теперь как хваткую и решительную женщину с короткой стрижкой, бульдожьими брылями и раскраской, которой утратился бы и самый храбрый из племени могикан, повстречав ненароком ее на тропе войны. Мне же она запомнилась лишь

вечными темными кругами под мышками. Складывалось впечатление, что одежду ей продают уже с этими кругами в каком-то специализированном магазине.

Гудомаров-младший не стал вдаваться в подробности знакомства с нею, обмолвившись лишь о том, что откопал ее в магазине «Овощи – фрукты», где она работала товароведом. Я позволил себе заметить, что неразумно брать на работу бухгалтером товароведа, а не бухгалтера. К тому же не имеющего опыта работы в газете, а всю трудовую жизнь занимавшегося подсчетом сгнивших фруктов и овощей в подсобке.

– Дружище, безусловно, в твоих словах есть доля правды, – по обычаю, охотно согласился со мной Гудомаров-младший. – Но я не мог пройти мимо такой кандидатуры, потому что ее рекомендовал очень приличный человек. Он работает в том же магазине грузчиком.

– Хочешь сказать, что доверишь финансовое будущее газеты товароведу овощного магазина, рекомендованному грузчиком?

– Молодец, ты понимаешь меня с полуслова! Вот за это я тебя и ценю, дружище! В плане сообразительности тебе нет равных. Я знал, что ты одобришь мой выбор.

– Но... э-э-э... скорее, наоборот... На мой взгляд, надо устроить конкурсный отбор, хотя бы из трех кандидатов, хотя бы один из которых должен иметь высшее экономическое образование.

– Думаешь, я об этом не думал? Размышлял день и ночь, голову ломал над тем, где бы найти верного и разумного человека, который будет тащить из редакционной кассы в свой карман столько, чтобы было незаметно и не отражалось на редакции. К тому же эту женщину мне рекомендовали, как непревзойденного специалиста по финансовым уловкам. В наше трудное время, когда свора госведомств во главе с налоговой инспекцией выдаивают тебя досуха и требуют еще и еще, это крайне полезное качество.

На том вопрос был решен – Тамара Петровна стала третьим членом нашего растущего и набирающего мощь коллектива. Четвертым стал Вадик, и на каторгу заманил его я. О нем стоит рассказать отдельно, ибо субъектом он слыл неординарным. В стан журналистов Вадик попал года четыре назад. История умалчивает о том, как это произошло. Говорят, работал таксистом, а затем каким-то чудом был зачислен в штат бульварной газеты. Вадик относился к тому типу невозмутимых соотечественников, что не расстраиваются и не смущаются, совершив четыре ошибки в слове из пяти букв.

Он понятия не имел о том, что такое жанр и стиль, хотя его стиль был неповторим и неподражаем. Ходили слухи о том, что его заметки полностью переписывает редактор. Вадика в бульварной прессе ценили, так как он обладал обширными связями в криминальных кругах и в правоохранительных органах. Он был своего рода связующим звеном между ними, и пользовался положением. Его заметки в рубрике «Криминал» имели шумный успех. Они были наполнены кровавыми подробностями, которые он нередко черпал от непосредственных участников события, сохраняя, естественно, их инкогнито.

Вадик был неприхотлив, и мог просидеть в засаде хоть трое суток. К числу его недостатков, помимо недостатка образования, я бы, пожалуй, отнес неумение выпивать – типичик умудрялся быстро напиться и после трех рюмок уже был не в состоянии поддерживать светскую беседу. Обычно на журналистских попойках он укладывался лицом в какой-нибудь салат и мирно дрых до окончания вечеринки. Словом, Вадик был человеком, способным органично влиться в наш коллектив. Его интересовала только зарплата. Другие вопросы, такие, как вопросы совести и чести, были для него непринципиальны.

Поэтому я не удивился, когда он не отключил телефон, услышав мой голос, и с готовностью согласился сменить воинский лагерь при условии, что в нашем лагере ему дадут хорошее жалованье. Я обещал, что его зарплата будет как минимум на тысячу рублей больше, чем на предыдущем месте работы, что решило вопрос в мою пользу. Он лишь попросил о встрече, чтобы оговорить детали контракта и ударить по рукам. Встретились мы в тот же вечер у панель-

ной девятиэтажки, по пути к которой я гадал, почему Вадик назначил свидание именно там. Он сам раскрыл загадку.

– Надо выполнить последнее задание редакции, иначе не дадут расчет, – буркнул он, мимолетно пожав мне руку, а затем задрал голову и уставился в некую точку на небесной сфере. Я последовал примеру, проследил за его взглядом, но ничего интересного на небесах не увидел.

– Ждешь появления инопланетных кораблей? – пошутил я.

– Было бы неплохо, если бы они появились, – серьезно ответил он, не отвлекаясь ни на миг от созерцания небес. – К сожалению, у меня другое задание. Говорят, тут с седьмого этажа выбросился мужик и разбился насмерть. Редактор велел сфотографировать труп и описать подробности.

И действительно, на шее у него висел фотоаппарат. Я поежился и на всякий случай огляделся. Насколько хватало взора, никаких трупов в помине не было. О чем я и сообщил Вадике.

– Это мне и самому известно, – мрачно отозвался он. – Труп давно убрали. Он в воскресенье из окна выбросился.

Я прикинул в уме – на дворе стояла среда, и я не видел ничего удивительного в том, что труп самоубийцы, выбросившегося из окна трое суток назад, уже убрали заботливые люди. Возможно, они поторопились. Но откуда им было знать, что в среду явится Вадик с заданием от редактора сфотографировать бездыханное тело, впечатанное в асфальт? Я поделился соображениями с Вадиком, заметив, что со стороны редактора неразумно посылать журналиста на место происшествия через три дня после происшествия и требовать свежие факты.

– Вообще-то, он меня сюда еще в воскресенье послал, – еще мрачнее отозвался Вадик. – Но я немного перебрал, если ты понимаешь. Два дня проболел. Пришел в себя только сегодня и сразу сюда. Заметку надо сдать завтра, вместе с фото. Иначе не дадут расчет.

– Прости, а на что ты рассчитывал, когда шел сюда сегодня? Думал, ради тебя три дня прибираться никто не будет? А у трупа выставят охрану в виде бдительного дворника, который метлой будет отгонять зевак и стервятников?

– Попытка, не пытка, – возразил Вадик с видом человека, которому никакие трудности не страшны. – Думал, что-нибудь придумаю.

– Ну и как, придумал?

– Ага. Трупом станешь ты.

– Что?!!!

– Трупом, говорю, станешь ты, что тут непонятного, – разозлился Вадик. – Сейчас сбегаю в магазин за кетчупом. Ты приляжешь на асфальт, я обмажу тебя кетчупом, будто ты в крови, и сфотографирую. Я раньше уже так делал.

– Но я отказываюсь падать на асфальт и притворяться трупом!

– Как это отказываешься? Ты не можешь отказаться, ты должен мне помочь.

– Это еще почему?

– Если хочешь, чтобы я перебрался на работу в вашу шарашку, тебе придется изобразить труп, иначе я останусь работать в своей шарашке. Решай быстрее, иначе найду другой труп. Я тут видел одного, в соседнем дворе пьет пиво на лавочке. Его даже кетчупом обмазывать не надо. Выглядит так, будто только тем и занимается, что с утра до ночи бросается головой вниз с седьмых этажей. Ты ему и в подметки не годишься, но дело есть дело. Короче, даю минуту на размышление, потом иду за другим трупом.

– Так нечестно! – в отчаянии взвыл я. – Это шантаж!

– Называй, как хочешь, а я свое слово сказал, – непоколебимо ответил Вадик и в знак решимости стоять до конца смачно сплюнул на асфальт.

– И я свое слово сказал, – сказал я и тоже сплюнул.

Должно быть, мы беседовали слишком громко, ибо на очередную просьбу Вадика рухнуть на асфальт и притвориться хладным трупом вместо меня откликнулась местная старушка.

Она привидением выплыла на балкон второго этажа. С первого взгляда на нее стало ясно, что престарелая женщина относится к тому типу старушек, что денно и ночью дежурят у окон с биноклями в руках, полагая, что если отлучатся с поста хоть на миг, то обязательно пропустят самое важное событие в истории человеческой цивилизации. Я готов был поспорить, что старушка наблюдала за нами с Вадиком с первой секунды нашей увлекательной беседы, но до поры, до времени не выглядывала из укрытия.

Я указал Вадику на это обстоятельство, заметив, что мы своим недостойным поведением пугаем добропорядочных граждан, проживающих в данном доме. Он ответил, что ему плевать на добропорядочных граждан, даже если они проживают в данном доме, потому что он явился сюда не ради них. Я сказал, что невежливо плевать на добропорядочных граждан, особенно когда они, услышав его слова, реально могут плюнуть на нас с балкона. А он сказал, что ему плевать на то, что плевать на добропорядочных граждан невежливо. Словом, мы были далеки от взаимопонимания. Тут еще и старушка подлила масла в огонь, заявив, что она уже два дня не вызывала милицию, и так соскучилась по этому занятию, что не может не воспользоваться подвернувшимся случаем.

Вадик взвыл от досады, заскрежетал зубами, а затем решительно, мрачно и зычно проинформировал жителей шести окрестных кварталов о том, что он с места не сдвинется, пока я не стану трупом. От его слов старушка вздрогнула вместе с балконом. Я испугался, как бы она не сыграла роль моего дублера. По крайней мере, она конвульсивно дернулась и едва не перевалилась через парапет. Второй этаж, конечно, расположен невысоко, но кто знает этих старушек: может им, чтобы свернуть шею, вовсе и не надо прыгать с крыши, а достаточно рухнуть со второго этажа?

Что оставалось делать? Конечно, я притворился трупом, позволил Вадику облить себя кетчупом и сфотографировать со всех сторон. В пятницу мое фото появилось на первой полосе бульварной газетенки, благодаря чему штат нашей газеты пополнился сотрудником.

С момента фотосессии прошла еще неделя, за которую удалось набрать коллектив. У нас появился верстальщик, он же дизайнер и администратор сайта, который сам же взялся работать. Его звали Альберт. Это был молодой человек ростом примерно с полтора метра и весом килограммов в 45. Одевался он так, будто посещал подпольные южноамериканские барахолки. У него имелась коллекция невообразимых головных уборов всех цветов и расцветок, делавших его похожим на попугая.

Он был невероятно худ и бледен, так как большую часть времени проводил в обществе компьютера. Словом, это был яркий, вернее, блеклый представитель продвинутого подрастающего поколения. Увидев его впервые, Тамара Петровна сплюнула через левое плечо, постучала по столешнице, перекрестилась и мимоходом поинтересовалась у Гудомарова-младшего, знает ли он, что Альберт – наркоман со стажем? Гудомаров-младший переадресовал вопрос Альберту. Подозрения вызвали ярую отрицательную реакцию у компьютерщика. Особенно его возмутило то, что Тамара Петровна притащила откуда-то свежеструганный кол и демонстративно поставила его в углу у своего стола.

Невыразительные физические данные не мешали Альберту быть агрессивным. Он напоминал мопса, готового в любой момент ринуться в смертельный бой с волкодавом. В ответ на упреки Тамары Петровны дизайнер, клацнув зубами, заявил, что отключит интернет в компьютере у каждого, кто заподозрит, будто он вампир или наркоман. После этого навсегда утихли разговоры о том, что Альберт принадлежит к когорте неординарных людей, употребляющих наркотики или поглощающих кровь из прокушенной сонной артерии приподнявшегося прохожего.

Пост распространителя занял некто Саня Бойко, человек чернявый, усатый, добродушный, с выдающимся пузом и высоченного роста. Он требовал, чтобы его так и величали – Саня Бойко. И обижался, когда называли Саша или Александр. Здоровяк всякий раз пускался в

лекцию о том, что имя Саня – самостоятельное и самодостаточное имя, не имеющее ничего общего с именами Саша и Александр. Его лекции настолько резали слух, что коллектив безропотно согласился величать его Саня, лишь бы не слушать бредни и бородастые анекдоты, которыми он сыпал без устали.

Саня любил подпевать своим мыслям, доводя окружающих до бешенства, оглушительно хохотал, по поводу и без. И по одному ему ведомым причинам считал себя непревзойденным обольстителем. Сомнительное мастерство он перепробовал на всех женщинах, переступавших порог редакции. Всякий раз терпел неудачу и сокрушался о том, что его жертвы, должно быть, просто ничего не знают о секретах обольщения. Провалы на любовном фронте он списывал на провинциальность объектов воздыханий. Надо отдать ему должное, неудачи не ломали его дух. Он бросался на каждую попавшую в поле его зрения женщину репродуктивного возраста, будто изголодавшийся ястреб на райскую птаху.

На совмещенную должность корректора и секретаря была принята школьный учитель русского языка и литературы Елена Шацкая, случайно забредшая в редакцию в поисках общественного туалета. Осознав ошибку, она не растерялась и справилась, нет ли возможности принять ее на подработку. Гудомаров-младший клюнул, как окунь на живца. Он преобразился, приосанился, выпятил грудь колесом и подкатил к ней с учтивостью графа в десятом поколении. Его глаза сверкали, глядя на нее, и этот феномен так и остался неразгаданным, встав в один ряд с тайной Бермудского треугольника.

Не то, чтобы Елена не была прекрасной. Сама-то она себя именно прекрасной и считала. Однако на мой вкус, дамочка была недостаточно хороша для того, чтобы ее фото украсило хотя бы календарь первых красавиц профтехучилища. Одевалась девушка броско и вызывающе, будто пыталась выставить напоказ свою развязность. Непременным атрибутом ее гардероба была мини-юбка. Благодаря этому предмету туалета и некоторым физиологическим особенностям, делающим ее ножки отличными от стройных девичьих ножек, к Елене приклеилось прозвище Окорочок.

К концу недели штат пополнили братья Клюковы, прозванные в народе добрым и злым гномами из-за острых носов и особенностей характера. Они были близнецами, но походили друг на друга только внешне. Характерами обладали противоположными. Валера взирал на мир светлым взглядом, а мировоззрение его брата Антона отличалось необычайной мрачностью. Этакое, плюс и минус. Противоречие характеров приводило к постоянным спорам между ними. Вскоре мы поняли, что если братья, побыв наедине две минуты, не начали яростно спорить, значит, они одновременно или умерли, или впали в летаргический сон.

Еще один журналист прибил к нам сам, и уже не помню, как это произошло. Просто однажды материализовался из воздуха и остался работать. Звали его Алексей, но к нему сразу приклеилось имя Лелик. Правда, на такое обращение он обижался, но разве можно отучить коллектив? Лелик слыл типом со странностями и нелюдимым. Вид у него был ухоженный, я бы даже сказал, холеный. Тонкий нос, редкие светлые волосы, неправдоподобно круглый череп и хрупкие пальчики. Глубоко посаженные глазки, которыми он на всех взирал с подозрением. Держался Лелик высокомерно, будто в отличие от окружающих, являлся обладателем голубой крови, и опасался, как бы на него не брызнула случайно пролетарская слюна и не проггла бы ему одежду вместе с кожей, добравшись до благородных жил.

Что касается главного редактора, то вакансия осталась незанятой. Гудомаров-младший пожелал сам исполнять эти обязанности, что, как показало время, было ошибкой. Меня он назначил заместителем главного редактора, что, как показало время, ошибкой не было.

Мы в эйфории

Да простит меня читатель, но я не стану подробно описывать первые три месяца работы редакции. О том, как нам жилось в то счастливое и безмятежное время, поведаю кратко. Начну

с главного – редакцию отремонтировали. Она превратилась в современный офис, в котором приятно было трудиться. В глубине редакции – в бывших складских помещениях магазина, – разместились три кабинета. В одном из них, который мы прозвали бункером, трудились журналисты. В другом расположились приходящие рекламные менеджеры, среди которых попадались симпатичные студентки. Третий кабинет отвели Альберту.

Просторный зал, тот, что начинался сразу от входа, был превращен в общий офис, разделенный перегородками на отдельные кабинеты. Тут трудились Гудомаров-младший, Тамара Петровна, Саня, Лена-окорочок и я, на правах заместителя главного редактора. Почти половину зала оставили под место для проведения общих собраний. Здесь стояли диван, столик и несколько стульев. Но пользовались ими редко, так как собрания, в основном, проводились в положении «стоя».

Имелись в редакции и другие помещения – небольшая кладовка в бункере, в которой был сложен хлам, оставшийся от магазина, а также туалет и кухня, размещавшиеся между бункером и общим залом. Последнюю мы нередко использовали в качестве кабинета, когда требовалось провести приватную беседу с каким-нибудь посетителем.

Зарплату платили исправно, дважды в месяц, день в день, копеечка в копеечку. Недовольных в редакции не было. А если и были, то мастерски это скрывали. Гонорары можно было назвать щедрыми. Премии тоже лились в карманы, и лучшей жизни никто не желал. Настораживал лишь тот факт, что зарплату платили по трем ведомостям: отдельно мы расписывались за получение должностного оклада, премий и гонораров.

Размер оклада всем установили одинаковый – в размере минимально возможной по закону величины оплаты труда. А в нашей стране, как известно, на оклад, равный минимальной величине оплаты труда, не проживешь, если только не откажешься от такой роскоши, как прием в пищу мясных продуктов, покупка новой одежды и проезд в общественном транспорте. Об этом я от лица трудового коллектива намекнул Гудомарову-младшему, выразив общее пожелание об увеличении должностного оклада хотя бы вдвое. На тот случай, если газета начнет испытывать финансовые трудности, и нам урежут гонорары и уберут премии.

– Да ты что, дружище, какие еще финансовые трудности! – вскричал тогда Гудомаров-младший, всем своим видом красноречиво демонстрируя, какое негодование вызвало в нем мое предположение. – В истории еще не было предприятия, которое стояло бы на ногах тверже, чем наше. А три ведомости – всего лишь формальность. Видишь ли, я и сам не до конца разобрался в тонкостях. Но Тамара Петровна утверждает, что так мы платим меньше налогов. Словом, иди и обрадуй всех. Они могут не беспокоиться за свое будущее, ибо оно счастливо и безоблачно, как ни у кого из журналистов в нашей области.

Не знаю, как технический персонал редакции, а творческий после таких обещаний пребывал на седьмом небе от счастья. Платили нам не хуже, чем в редакциях официальной прессы, но при этом мы были свободны. Да-да, именно так, свободны в полете слова и мысли, хоть в это трудно поверить. Видите ли, редакция всегда обслуживает чьи-то интересы, даже когда называет себя независимой. Невозможно быть независимым, когда получаешь зарплату из чужого кармана, даже если очень этого хочется. Надеюсь, я понятно говорю?

Если журналист работает в газете, финансируемой из областного бюджета, то никто и никогда не пропустит в печать его статью на вольную тему, типа: «Ах, какой у нас плохой губернатор, и членов правительства тоже не мешало бы заменить, ибо они поросли мхом и лишайником, а отдельные личности даже покрылись плесенью». Редактор всеми возможными способами даст автору понять, что писать о событиях, происходящих в регионе, надо только позитивно, дабы не расстраивать по пустякам народ, у которого и так хватает проблем.

И обязательно, скажет редактор, следует отметить ту важную и решающую роль, которую сыграл в конкретном радостном событии губернатор. Как-никак, он рулевой, пусть некоторые и считают, что он шкипер, смело ведущий бриг на утесы. Губернаторское имя непременно надо

помянуть, например, в статейке о строительстве нового коровника или ликвидации очереди в детские сады. Так и надо писать: дескать, без губернатора не построили бы коровник и не сократили бы очередь в детсад. Ну и обязательно фото: вот губернатор на фоне крупного рогатого скота (третий слева в верхнем ряду), а вот – посреди стайки счастливой ребятни, лично, так сказать, сокращает очередь.

В официальной газете или «рупоре» (как стали мы, старые, опытные оппозиционные журналисты, величать бюджетные издания), если кого и можно ругать, то лишь тех извергов рода человеческого, что невесть какими путями вливаются в нестройные ряды местной оппозиции, требуя власти от власти. По подобному принципу строится работа и в оппозиционной прессе. С той лишь разницей, что губернатора и его подчиненных рекомендовано рисовать в воображении читателя палачами с руками, по локти обогранными кровью. Лидеров оппозиции следует величать не иначе как спасителями Отечества, коих надо срочно, отложив прочие дела на потом, поднять на руки и внести в местный «Белый дом» на царствование.

Редакционная жизнь строится по своим законам, создающим определенный внутренний мир и вдалбливающим в сознание работников определенное мировоззрение. Что до нас, то мы неожиданно были лишены привычных условий существования журналистской братии. Ведь нас не финансировали ни бюджет, ни оппозиция. Жили мы, как уверял Гудомаров-младший, исключительно за счет выручки от продажи тиража и рекламных поступлений. Никто установок не давал, писали мы все, что хотели, а главный редактор, он же учредитель, смотрел на нашу писанину сквозь пальцы. Единственным его пожеланием была просьба писать по возможности как можно более остро, чтобы, как он выразился однажды, от прочитанного у читателя начинали из орбит лезть глаза, выпадать волосы и шататься зубы.

Вот мы и старались расшатывать читателю зубы, не жалея сил и времени. У нас словно выросли крылья. Мы строчили денно и нощно, радуясь и поражаясь одновременно тому, что нам дано редкое право высказывать собственные мысли. Даже Вадик, поддавшись всеобщей эйфории, свои небольшие заметки на криминальную тему начал переводить в политическую плоскость, настолько, насколько это было дано ему природой.

Без преувеличения скажу, что каждый номер нашей газеты люди ожидали, как премьеру новой серии фильма о Гарри Поттере или звездных войнах. Чиновники дрожали, отправляясь на работу в день очередного выпуска. Возможно, вздрагивали прокуроры и следователи, которым мы подкидывали столько фактов, что они, при должном отношении к делу, могли бы сделать головокружительную карьеру. Однако в нашем заповедном крае избобличающие статьи приносили им лишь головную боль, о чем свидетельствуют ответы, которые они нам присылали.

Однажды я написал статью о том, как строительная фирма, возглавляемая племянником губернатора, незаконно снесла участок леса, чтобы построить элитный коттеджный поселок. Пожалуй, это был лучший мой материал той поры. Я провел отличное журналистское расследование. Мне удалось получить уникальные документы. Вдобавок ко всему я лично сфотографировал коттеджи, выросшие там, где прежде росли грибы и резвились белки, зайцы, лоси и прочая флора. Я был уверен, что после выхода статьи последуют аресты, и племянника губернатора в сопровождении когорты чиновников разного уровня препроводят в следственный изолятор, предварительно украсив их запястья наручниками.

Однако мечтам моим не суждено было сбыться. Спустя две недели после публикации в редакцию пришло письмо от следователя, в котором он заявил: «Изложенные вами в статье факты подтвердились, в связи с чем в отношении вас не будет возбуждено уголовное дело». Я был поражен и возмущен, а Гудомаров-младший пришел в дикий восторг. Сначала он пустился в пляс по редакции, заставив всех усомниться в своем умственном здоровье. Затем остановился и начал потирать руки с такой энергичностью, будто хотел добыть огонь методом пещерных предков.

– Дружище, как ты не понимаешь! – восторженно кричал он, обращаясь ко мне, стоявшему всего в двух шагах от него, таким непривычно громовым для него голосом, что в соседнем баре, расположенном километрах в двух от нас, должно быть, затряслись стены и разбились, посыпавшись с полок, стаканы. – Это означает, что мы на верном пути. Письмо доказывает, как сильно прогнила система, которую мы пытаемся развалить.

– А разве мы пытаемся развалить систему? – искренне удивился я, впервые услышав такую формулировку цели, поставленной перед коллективом редакции.

Гудомаров-младший на секунду-другую замешкался. Но он был не из тех, кого вот так просто можно взять и посадить в лужу.

– А как же, дружище?! – удивился он еще искреннее меня. – Конечно, мы ставим целью развалить прогнившую систему, чтобы выстроить новую, потому что действующая прогнила настолько, что ее легче развалить, чем ремонтировать. Понимаешь, о чем я? Да она и сама развалится рано или поздно, но почему бы не ускорить процесс?

– И ты считаешь, что это письмо – яркое подтверждение того, что система прогнила и разваливается?

– Разве можно считать иначе? Они же открыто выгораживают племянника губернатора! Они говорят, что завели бы на тебя уголовное дело, если бы ты соврал. Но ты не соврал, и потому они милостиво тебя прощают. Да если бы система не прогнила, после твоей статьи десяток чиновников переселили бы из теплых кабинетов в сырые и мрачные камеры. Ничего подобного не произошло. Почему? Потому, что ты напоролся на систему круговой поруки. Ты не пошатнул ее, конечно, но заставил себя проявить. Представляешь, сколько скрежетало зубов при чтении твоей статьи. Сколько людей мечтают упечь тебя за решетку! Да если бы имелась хоть малейшая возможность, они бы уже упрятали тебя за решетку за клевету или что-то в этом роде. Но раз пришло такое письмо, можешь спать спокойно. Этим они как бы говорят: ты прав, парень, и мы признаем это. Но пока мы сильнее, и ты не можешь с этим ничего поделать. Дружище, нам остается только продолжать растить мускулы. Наступит день, когда мы наберемся достаточно сил, чтобы раздавить всех коррупционеров.

Признаюсь, до его слов я кипел от негодования, У меня и мысли не было о том, в какую неприятную историю я мог втянуть себя сенсационным журналистским расследованием. Гудомаров-младший открыл мне глаза. Я начал понимать, что его идея-фикс о разрушении прогнившей системы и сооружении новой не так уж и глупа, как казалась на первый взгляд. С тех пор я стал высказываться в статьях осторожнее, взвешивал каждое слово и начал собирать коллекцию из документов, которые в случае судебного разбирательства могли бы подтвердить написанное мною. Забегая вперед, скажу, что коллекция со временем достигла такого масштаба, что впору было преобразовать ее в фундаментальную библиотеку. Для этого достаточно было бы повесить соответствующую табличку над дверью в мою квартиру.

Уж в чем, в чем, а в документах недостатка не было. Я не сказал еще об одном удивительном факте. Появление нашей газеты всколыхнуло ранее дремавшие пласты общества, в которых вдруг заговорила совесть. Правда, оно не прибавило им храбрости. Но сам факт того, что «доброжелатели» и «анонимы» начали заваливать нас кипой документов, ранее скрытых от постороннего взгляда, говорит сам за себя. Даже сейчас, спустя много лет, не устаю удивляться тому, как много подбрасывали нам документов, уличающих известные личности в сомнительных с точки зрения закона делах.

Их упаковывали в конверты и бросали в наши почтовые ящики или подсовывали под двери редакции. Их приносили посылные или «доброжелатели», укутавшись в темные плащи и соблюдая правила конспирации, вычитанные из шпионских романов. А однажды, по предварительной договоренности, достигнутой через посредника по телефону, мне пришлось с праздным видом бродить за чиновником по длинным коридорам мэрии и подбирать и совать за пазуху якобы случайно оброненные им документы. Работа журналистов постепенно начала

сводиться не к тому, чтобы что-то добыть или разнюхать, а к тому, чтобы проверить поступившую информацию.

Сначала нас это радовало, как радовало бы дуралея, которому на дом принесли лотерейный билет с гарантированным выигрышем. Но скоро ворох бумаг покрыл нас с головой. Информации о злоупотреблениях накопилось столько, сколько не вместили бы в себя архивы суда и следственных органов вместе взятых. К тому же мы стали замечать, что приносить начали и дезинформацию, и вообще появились попытки свести счеты друг с другом нашими руками. Это охладило пыл борцов за справедливость и снизило градус эйфории, в которой мы пребывали некоторое время. С другой стороны, мы приобрели бесценный опыт, которого не наберешься, работая в официальном издании.

Мы чувствовали себя первопроходцами, открывавшими новые земли и знакомившимися с обычаями проживающих там народов. Все шло великолепно до того рокового дня в середине августа, когда нам впервые вовремя не выдали зарплату. В тот день мы поняли, насколько трудное затеяли дело.

Первые проблемы

– Как это, нет денег? – рык взбешенного Вадика прокатился по коридорам и кабинетам редакции, оповестив мир о том, что и спустя неделю после положенного срока зарплату не выдадут.

На его рык из щелей и закоулков редакции, словно зомби в дешевом фильме ужасов, повылезали люди и объединились вокруг Вадика, готовые поддержать его словом и делом. В руках у них не было вил. Не было даже веревок, при помощи которых обычно вешают буржуев на фонарные столбы. Однако физиономии собравшихся язык не повернулся бы назвать дружелюбными. И все же в них не было еще той ярости, что зажигает революции и толкает людей на баррикады. На лицах стлыло то недовольство, которое охватывает человека, когда нарушен его привычный уклад жизни. Нам, привыкшим за три месяца к роскошной жизни с полным деньгами карманом, вдруг открылось, что карман в один миг может опустеть. Неудивительно, что открытие слегка огорчило, и мы начали точить клыки на бухгалтершу.

Но женщину, которая запросто на поле боя могла бы остановить грудью танк, а то и дивизию бронемашин, не так-то и легко запугать какому-то десятку-другому озлобленных людей. Тамара Петровна, окатив толпу протестующих тяжелым и презрительным взглядом, не вдаваясь в подробности, подтвердила нерадостную информацию, озвученную Вадиком, и заявила, что денег нет. А когда будут, ей, дескать, неизвестно. Затем особа, которую Саня Бойко иногда характеризовал загадочной фразой «тоже женщина», предложила нам, то есть коллективу, отправиться на места и продолжить работу в обычном режиме. Обратив толпу в бегство, она зловеще добавила, что мы мешаем ей работать. А когда кто-то мешает ей работать, то у нее портится настроение. А когда у нее портится настроение, она вольно или невольно может напутать в расчетах и неправильно рассчитать зарплату.

Созданная ею логическая цепочка намекала на то, что бухгалтеру настроение портить не стоит, если только мы не желаем окончательно лишиться средств для существования. Убравшись по рабочим местам, мы, конечно, вполголоса пороптали. А затем решили, что, возможно, Тамара Петровна не так уж и виновата и не вполне заслуживает сожжения на костре. Наверное, думали мы, произошло одно из тех недоразумений, которые, как считают обыватели, иногда происходят в банках. Какой-нибудь мелкий клерк забыл заполнить ведомость или поставил закорючку не в том месте, из-за чего деньги из хранилища выдать отказались.

Причин для финансовой паники, на взгляд со стороны, не было. Газета выходила еженедельно тиражом в тридцать тысяч экземпляров. По меркам нашей области, это было неплохо и по всем раскладам гарантировало изданию самокупаемость. Поэтому мы не стали пинать Тамару Петровну ногами, как это, наверное, сделали бы другие расстроенные работяги, веро-

ломно лишённые законного заработка, и единодушно пришли к мнению, что надо просто немного подождать.

Но минуло еще две недели, а денег так и не выдали. Более того, куда-то пропал Гудомаров-младший. Он перестал появляться в редакции. Связь поддерживал лишь телефонную, да и то с Тamarой Петровной. Последняя соблюдала меры конспирации. Она выбегала из редакции, чтобы поговорить с боссом. А если такой возможности не было, или у входа томилось редакционное общество, попыхивая сигареткой, она делала странное лицо и начинала называть Гудомарова-младшего сынулей. Все знали, что никакого сынули у нее нет. Есть только дочурка, которую сверстники еще в школе прозвали Центнером. Звучали конспиративные беседы с боссом примерно так:

– Да, сынуля, все поняла, платежные документы отнесу завтра же и по пути загляну в типографию, узнать, не закрыли ли нам кредит, – прикрывая рот рукой, полупшепотом говорила Тамара Петровна, свято веря в то, что никто не догадывается о личности ее невидимого собеседника. – А как у тебя дела, сына? Не хочешь вернуться домой? Тараканы начинают волноваться...

Чтобы не расстраивать Тамару Петровну, мы делали вид, будто верим в вымышленного сына, с которым она ведет заговорщические беседы. Временами даже спрашивали о здоровье дитяти и его жизненных планах, чем приводили женщину в замешательство. Обычно в таких случаях, глупо поморгав, она уточняла, какого именно сына мы имеем ввиду. А вспомнив, что неожиданно обрела дитя, хвалилась тем, какой он у нее замечательный. В душе мы хохотали, слушая мифические истории о парне, которого вот-вот возьмут на работу в администрацию президента. В другой раз она представляла его главой крупной корпорации, иногда – офицером, зорко следящим за неприкосновенностью государственной границы где-то на Дальнем Востоке.

Словом, мы развлекались вовсю, так как ничего другого не оставалось. Однако сам факт бухгалтерско-редакторских закулисных бесед насторожил. В души закралось предчувствие беды, и чем дольше отсутствовал Гудомаров-младший, тем сильнее оно становилось. Мы чувствовали себя словно дети, оставленные ночью у дверей приюта любимой матерью. Перед нами вставала другая жизнь, и она пугала неопределенностью.

Не унывал лишь коммерческий директор, он же распространитель Саня Бойко. Он тоже появлялся в редакции нечасто, сообщая во время коротких набегов, что ему приходится много разъезжать по делам. Нам его оправдания были ни к чему. В конце концов, у каждого своя работа. И потому до поры, до времени мы не беспокоили его расспросами.

Однако финансовый вопрос, все острее встававший в жизни рядовых членов редакции, не привыкших к задержкам зарплаты и потому не откладывавших сбережения на черный день, заставил решиться на серьезный разговор с Саней. Финансовое благополучие газеты во многом зависит от выручки за ее продажу и рекламных контрактов. С последним дело обстояло неважно, так как мало кто в регионе отваживался дать рекламу в нашей газете – тем самым можно было навлечь губернаторский гнев. Да и рекламными менеджерами у нас трудились неопытные студентки, работавшие на условиях сдельной оплаты труда и потому немотивированные.

Таким образом, единственным источником пополнения редакционной кассы, если не считать таинственного покровителя Гудомарова-младшего, которого в глаза никто не видел, являлась выручка от продажи газеты. А за нее отвечал Саня. Небольшое внутреннее журналистское расследование показало, что уже второй месяц выручка является такой мизерной, что ее едва хватало на оплату типографских услуг для издания очередного номера и коммунальных услуг. Мы не могли понять, почему так происходит, ведь газета в народе пользовалась популярностью, а значит, спрос на нее имелся

– Это все происки чиновников, – уверял Саня, озаря пространство лучистым светом честных глаз. – Они запрещают киоскерам продавать нашу газету. Стоит мне привезти тираж в киоски и уехать, как газету прячут под прилавок. А когда я приезжаю за выручкой, мне заявляют, будто ее никто и не спрашивал.

Звучало это правдоподобно, и потому мы Сане поверили на слово. Прошло еще несколько дней, и Саня повел себя странно. Он начал сорить деньгами, в то время, как другие вдвое сократили привычный рацион питания и перешли на дешевые продукты, забыв о такой роскоши, как покупка новой одежды, походы в кинотеатр и проезд в общественном транспорте. Саня же демонстративно таскал в редакцию охапки роз, будто без усталости собирал их на свалках и похоронах, а также коробки конфет, словно попутно грабил кондитерские магазины.

Доставалось все это добро Тамаре Петровне. Благодаря Сане она стала работать в розарии, а благодаря конфетам у нее выросло еще несколько подбородков. Смотреть на нее без омерзения было невозможно, особенно в те пикантные моменты, когда Саня галантно целовал Тамаре Петровне ручку, измазанную шоколадом. Барышня вниманием явно была польщена. Складывалось впечатление, будто в редакции репетируют скандальную постановку режиссера-авангардиста.

В середине сентября начался голод. К тому времени мы исхудали и озлобились. Даже дизайнер Альберт, обычно сидевший на чае с бутербродами, и то из солидарности с остальными сбросил килограмм и начал просвечиваться. Зарплату не платили, и поговорить на этот счет было не с кем. Гудомарова-младшего след простыл. Саня привычно жаловался на чиновников, мешающих людям покупать газету, чуть ли не карауля покупателей в кустах с дубинкой. Тамара Петровна целыми днями с усердием копалась в компьютере и благосклонно принимала не перестававшие сыпаться на нее розы и конфеты. О Гудомарове-младшем уклончиво отвечала, будто он отправился в деловую командировку, из которой вернется с новым инвестором.

Эта женщина не производила впечатления голодного человека. Глядя на ее пышущие румянцем круглые щеки, мы подозревали, что уж себе-то она зарплату выдавала, даже если для этого ей пришлось основательно поскрести по редакционным сусекам. Иное дело мы – бледные, измученные привидения, со впалыми щеками, заострившимися скулами и воспаленным взглядом, с прилипшими к ребрам животами и желанием начать охоту за всем, что шевелится. А что не шевелится, как говорили у нас в армии, расшевелить и съесть.

Даже мыши, жившие в редакционной кухне, куда-то исчезли. В сытые времена мы их подкармливали и почитали за домашних питомцев. Особенно забавным был выводок мышат, росших у нас на глазах. Люди их не пугали. Чувствовали грызуны себя такими же хозяевами, а может, и большими, нежели мы. По разным подсчетам, в редакции жила мышиная семья голов в семь-восемь и еще пара-тройка мышей-холостяков. Должно быть, они почували неладное, когда мы начали бросать на них голодные взгляды.

Не знаю, как у меня, а в глазах коллег вспыхивал лихорадочный блеск, когда дружелюбная мышка, предварительно покрутив черным носом и поблистав бусинками глаз, выползала за крошкой из укрытия. Наивные создания! Все крошки давно вылизали человеческие языки. Однажды наступил день, когда мышиная семья собрала чемоданы и пустилась наутек, успев сбежать до того, как из нее приготовили шашлык. Спустя пару дней за ней последовали мыши-холостяки.

После внимание было сконцентрировано на Тамаре Петровне. Нет-нет, мы не хотели ее съесть. Хотя этой женщины хватило бы, чтобы коллектив питался не менее месяца. Но мы считали, что у нас имелись основания смотреть на нее осуждающими взглядами. Вот и осыпали бухгалтера самыми осуждающими и укоризненными взглядами, на которые только способен человек. Впрочем, она и бровью не вела. У некоторых периодически возникала мысль подойти к ней, вцепиться руками в ее шесть-семь подбородков и вытрясти положенную зарплату. Самые отчаянные почти решались на этот шаг. Но при одном взгляде на бухгалтершу с

близкого расстояния, достаточного для нанесения нокаутирующего удара, пыл остывал даже у самых рьяных сторонников этой, без сомнения, отличной идеи.

Выглядела Тамара Петровна, как брутальный дагестанский борец, решивший попробовать силы в поединке за звание чемпиона мира по боям без правил. Сходство усиливала темная полоска усиков, венчавшая ее верхнюю губу. При взгляде на нее душа уходила в пятки. Я бы никогда не рискнул схватиться в рукопашную с женщиной, чьи руки были толще, чем мои ноги, и чьи массивные челюсти, полные железных зубов, навевали мысль о том, что среди предков некоторых людей, вероятно, помимо обезьян, были аллигаторы. Прибавьте к этому ледящий душу взгляд, которым она обдавала любого, кто осмеливался заговорить с ней о деньгах, будто тем самым наносил ей смертельное оскорбление, и вы поймете, в какое сложное положение попал наш творческий коллектив, далекий от привычки решать проблемы силовыми методами.

Тамара Петровна восседала в кресле, талантливо изображая каменного божка, и игнорировала запросы. Прошло еще несколько дней, и мы, чтобы выжить, всей редакцией начали скидываться на обеды. Большинство к тому времени перешли на самый экономный режим питания, который только могли себе представить. Рацион обычно состоял из лапши быстрого приготовления – дешевого пакета сухой лапши, который надо залить кипятком, после чего следует запихнуть полученную разбухшую гадость в рот и заставить себя ее проглотить.

Мы узнали, что когда у тебя в кармане полно денег, сделать это непросто. Но когда денег нет, лапша будто обретает божественный вкус и буквально тает во рту и желудке. Был, правда, у нее и недостаток. Запихнешь в себя упаковку такого месива, а через пять минут желудок снова напоминает о себе и просит подкинуть ему что-нибудь более осязаемое. Обмануть желудок удастся лишь первые несколько дней. Затем он урчанием выдает изумленное недовольство и вопрошает: а где же салаты и мясные блюда? С каждым днем проглатывать лапшу становится все труднее, а желудок все настойчивее требует ответа.

Однажды наступает момент, когда ты уже не можешь смотреть на бомж-пакет – так мы стали называть пакеты лапши быстрого приготовления. Прошло еще какое-то время, и всем нам, злым и голодным, страстно захотелось сладкого. Проблему решили просто – скинулись и купили пару пачек сахара-рафинада, который начали трескать вприкуску с бледным чаем. На нем тоже сэкономили, чайный пакетик заваривали на пять-шесть чашек, предварительно бросив жребий, в чью чашку пакетик опустят первым. Вслед за сладким измученные организмы потребовали мяса.

В нас проснулись хищники, и желание загрызть кого-нибудь и обглодать его ногу стало невыносимым. Мы следили друг за другом алчущими взглядами и опасались поворачиваться к коллегам спиной. Стоило на секунду потерять бдительность, как рядом раздавалось клацанье клыков и урчание сведенного от голода желудка. Выход подсказал Валера Клюков. Он велел скинуться из остатков финансов, сбегал в социальный магазин и приволок оттуда палку вареной колбасы зеленоватого цвета. Оказывается, Валера писал статью о том, как ловкие торговцы на упаковках продуктов меняют срок годности, и потому точно знал, где такие продукты можно купить. Есть принесенную им колбасу сырой было опасно, хотя маркировка и утверждала, что произвели ее накануне из свежей говядины. Валера порезал ее на куски и поджарил на древней электроплитке, найденной, к счастью, в редакционной кладовке.

Запах жареной колбасы дразнил ноздри и сводил с ума, и мы напрочь забыли о работе. Все выстроились в очередь к электроплитке с тарелками и вилками, и даже Лелик и Лена-око-рочок, обычно с презрением относившиеся к редакционным посиделкам, активно пихались в ней локтями. На следующий день история повторилась, а на третий день мы с изумлением взирали на то, как в очередь за жареной колбасой пристроилась Тамара Петровна. Свои действия она объяснила тем, что ей интересно попробовать, что за гадость едят коллеги. Надо сказать, что она без зазрения совести слопала три куска гадости при суточной норме в один кусок гадости на человека.

Обделенными в тот день оказались братья Клюковы, неосторожно вышедшие из редакции покурить одну сигарету на двоих и застрявшие на улице из-за очередного спора. Без обеда остался и дизайнер Альберт, которого поток воздуха от редакционного вентилятора принес к кухне слишком поздно. Откушав, Тамара Петровна сытно рыгнула, презрительно пожала плечами и обронила загадочную фразу: «Не понимаю, и почему это всем так нравится есть дешевую колбасу? Как ни придешь в магазин, за ней стоит очередь».

Вряд ли мне удалось передать весь ужас положения, в котором мы оказались, но поверьте, оно было сложным и пугающим. Надо было что-то делать. Миссию по спасению коллектива взвалили на мои ослабевшие плечи. Мне поручили найти Гудомарова-младшего, схватить его за шиворот и притащить в редакцию для предметного разговора по душам. Вооружившись петицией, врученной коллегами, я отправился домой к учредителю и главному редактору с твердым намерением дать ему хорошего пинка по тому месту, под которым обычно располагается редакторское кресло.

Мы в тупике

Гудомаров-младший жил в стандартной панельной девятиэтажке на шестом этаже. Я долго названивал в домофон, но ответа не получил. Проник в подъезд лишь благодаря местному жильцу, вышедшему из дома и позволившему прощмыгнуть в открытую дверь. Лифт не работал, что не удивило, исходя из той полосы везения, в которой я пребывал в последнее время. С трудом одолев шесть этажей, я постоял перед дверью-сейфом Гудомарова-младшего, чтобы привести в порядок дыхание и упорядочить мысли. Чувствовал себя, как марафонец, по ошибке пропустивший финиш и пробежавший лишний круг в двадцать километров. Физические упражнения, и раньше дававшиеся нелегко, с недавних пор отнимали много сил. Чувство было такое, что вот-вот легкие разорвутся.

Прошло несколько минут или часов. Дыхание восстановилось, и я решительно нажал на кнопку звонка. В ответ – никакой реакции. Тогда я поколотил в дверь ногами, и снова в ответ – тишина. Я заглянул в глазок, безрезультатно, и, приложив ухо к двери, прислушался. Кажется, что с той стороны двери кто-то тоже прильнул к ней ухом, но вскоре стало ясно, что это всего лишь плод моего разыгравшегося выражения. По всей видимости, Гудомарова-младшего действительно не было дома. В таком случае вставал вопрос – куда он подевался?

Естественно, первой мыслью была мысль о том, что начальник вероломно бросил нас на произвол судьбы и скрылся с редакционной кассой. Сбежал в одну из тех называющих себя цивилизованными стран, где находят приют разные проходимцы, стоит им только сообщить местным сэрам, что с собой они приволокли груженные валютой вагоны. Ведь щепетильные сэры уже много веков с готовностью закрывают глаза на происхождение капиталов, лишь бы капиталы начали работать на благо национальной экономики. Сэрам ведь, ко всему прочему, надо подкармливать королевскую семью.

Однако, поразмыслив, я пришел к выводу, что Гудомаров-младший вряд ли скрылся бы без Лены-окорочка, к которой питал определенную симпатию. Галантный джентльмен так бы не поступил, а себя Гудомаров-младший считал галантным джентльменом. Да и, как показало наше расследование, редакционная касса была пуста, так что скрываться было не с чем. Вопрос остался прежним – куда пропал Гудомаров-младший?

И тут мне в голову пришла пугающая мысль. А что, если начальника арестовали компетентные органы или похитили какие-нибудь мерзавцы, которых мы неосторожно сделали главными героями разоблачительных статей? И теперь держат беднягу в подвале, подвесив за ребро на железный крюк. Меня охватила дрожь, а ноги подкосились. Пару минут спустя я пришел в себя и понял, что если такое и произошло, то сочувствовать надо похитителям. Уж что-что, а приносить неприятности окружающим Гудомаров-младший умел. И если кто-то и подвесил его за ребро на крюк, то сделал это на свою беду.

Повеселев, я позвонил в соседнюю дверь, чтобы справиться у соседа о судьбе босса. Дверь не открыли, но из-за нее раздался испуганный мужской голос, велевший убираться подобру-поздорову. Владелец голоса сначала грозил вызвать милицию, а затем начал хвастать связями в криминальном мире. Из его слов следовало, что если я немедленно не уберусь и не оставлю его в покое, то он позвонит авторитетному человеку, и тот пришлет пару десятков громил, которые научат меня вежливости. В ответ я заметил, что владелец испуганного мужского голоса, должно быть, ошибся и принял меня за другого человека. Я заверил его в том, что у меня нет намерений тратить время на стычку с громилами или ехать для разбирательства в отдел милиции.

– Меня всего лишь интересует судьба моего друга, – объяснил я. – Он живет в соседней квартире. Я не видел его около месяца, и начал беспокоиться. Вы, случайно, не знаете, где он и что с ним?

За дверью воцарилась напряженная тишина. Вероятно, владелец испуганного мужского голоса мысленно взвешивал, можно ли мне доверять. Держу пари, что он рассматривал меня в глазок, как какой-нибудь фанатичный ученый разглядывает неизвестную науке бактерию под микроскопом перед тем, как ее препарировать или что там фанатичные ученые делают с бактериями.

– Говорите, мой сосед – ваш друг? – неуверенно раздалось из-за двери после паузы, которая длилась не меньше полугода.

– Я склонен так считать, хотя он, возможно, и не считает меня близким другом, – торопливо ответил я, стремясь установить контакт со странным и недружелюбным типом за дверью. – Мы знакомы много лет, а сейчас трудимся в одной редакции. Он, знаете ли, там главный редактор, а я – его заместитель.

– Значит, вы не из этих? – с облегчением, как мне показалось, отозвался человек за дверью.

– Думаю, что не из этих. Даже уверен на сто процентов, что не из этих.

– Тогда из каких?

Признаться, вопрос, сформулированный подобным образом, поставил меня в тупик. Я понятия не имел, о чем толкует незримый собеседник. С другой стороны, не хотелось его ни пугать, ни расстраивать. Возможно, человек за дверью был тем единственным обитателем Вселенной, который мог навести меня на след Гудомарова-младшего. Поэтому я решительно ответил:

– Я из тех.

– Из тех? – изумился человек за дверью. – Господи помилуй, так вы все-таки из тех! Сосед предупреждал меня, что однажды вы явитесь и спросите про него. Только описывал вас иначе. По его словам, вы должны быть крупнее. Выше ростом и шире в плечах. На вас, скорее всего, должна быть черная кожаная куртка, а в руках вы должны держать дубинку, возможно, бейсбольную битку. И еще вас должно быть как минимум двое.

Я растерянно обернулся.

– Простите, что разочаровал, – сказал я. – Не знал, что перед визитом сюда надо одеться по особой моде и что следует прихватить с собой бейсбольную битку. Простите, но у меня вообще нет биты, и, боюсь, в ближайшее время не смогу ее приобрести. Сейчас мне не по карману такая покупка. Но если для вас это принципиально, могу одолжить черную кожаную куртку и дубинку. Только потребуются время, а у меня каждая минута на счету. Поэтому я был бы вам весьма признателен, если бы вы навели меня, так сказать, на след. Меня интересует, куда делся мой приятель?

– Так я вам и сказал, ишь, чего захотели, – прокаркал из-за двери голос, показавшийся мне теперь на редкость неприятным. – Сосед предупреждал, что вы будете задавать такие

вопросы. Только я соседей не сдаю, даже если вы мне заплатите за информацию. Кстати, а вы мне заплатите?

– Заплачу? Вам? За что?

– За тысячу долларов я скажу, где прячется мой сосед.

– А как же соседская солидарность? Как же высокопарные слова о том, что вы соседей не сдаете?

– Бесплатно не сдаю, а за тысячу долларов еще как сдаю, – проворчал в ответ человек за дверью. – Так платите или нет?

– Конечно, нет!

– Чего тогда голову морочите? Ишь, пришел тут и мешает добропорядочным гражданам спокойно отдыхать в своей квартире. Последний раз спрашиваю – платите или нет?

– Нет!

– Тогда вызываю милицию, а пока она будет сюда ехать я, пожалуй, спущу на вас собаку.

– Собаку?

– Ну да, собаку. Не знаете, что такое собака? Это такое четвероногое домашнее животное с полной пастью клыков, готовое вцепиться в глотку по первому знаку хозяина. Хотите, чтобы я сделал знак своей собаке, или все-таки заплатите?

– Да не буду я вам ничего платить, что за вздор!

– Ну что ж, тогда спускаю собаку. Внимание, открываю дверь. Точно не заплатите? Подумайте, у вас есть несколько секунд, прежде чем отпущу с поводка...

Дальнейшие его слова я уже не слышал, так как на курьерской скорости несся вниз по лестнице, гигантскими прыжками преодолевая лестничные пролеты. Пулей вылетев из подъезда, я пересек двор и понесся по направлению к редакции. Мне казалось, что позади на всех парах мчится озверевший волкодав, и это придавало сил. Пробежав пять-шесть кварталов, я осмелился оглянуться и с облегчением убедился в том, что за мной не то, что волкодав, даже благодушный пудель не гонится. Правда, прохожие кидали подозрительные взгляды, принимая меня, вероятно, за вора, спасающегося бегством после ограбления банка.

Чтобы не будоражить общественное мнение, я перешел на скорый шаг, и остаток пути проделал, снедаемый тревожными размышлениями. Близился конец рабочего дня. Стояло бабье лето, и солнце еще не покинуло небосвод. Метров за сто до редакции я резко затормозил, и даже сам не сразу понял, почему. Потом догадался – мое внимание привлек некий субъект, сидевший в тени куста на лавке, спиной ко мне и лицом к редакции. Его спина показалась подозрительно знакомой. Я начал припоминать, где мог видеть эту спину.

Она была тощей и напряженной. К тому же у ее обладателя была заостренная кверху голову. Пришла мысль, что и голову подобной формы вижу не впервые. Субъект явно тарашился на нашу редакцию, так как из его места дислокации тарашиться было больше не на что. Разве что на дорогу, пролегающую мимо редакционной двери. Но она была пуста, и тарашиться на нее было глупо. Субъект настолько заинтересовал меня, что я не удержался, подкрался к нему сзади и вежливо хмыкнул, желая сообщить о своем присутствии. Субъект вздрогнул и подскочил с лавки метра на три в воздух, умудрившись при этом развернуться и вонзить в меня взгляд насмерть перепуганных глаз.

Мне были знакомы эти глаза, так как принадлежали они Гудомарову-младшему. Незнаком был только животный страх, что метался в них в ту минуту. Приземлившись на лавку, Гудомаров-младший издал странный булькающий звук, будто пытался что-то сказать на языке гуманоидов. Похоже, он не сразу узнал меня. А когда узнал, его побелевшее лицо начал покрывать румянец. Он шумно вздохнул, как человек, чудом избежавший смерти, и выдавил подобие улыбки:

– А, дружище, это ты, – взмахнул он рукой, бездарно изображая беззаботное радушие – уж меня-то, человека многоопытного, подобными трюками не проведешь. Видно было, что на

душе у Гудомарова-младшего беспокойно, и что он чего-то жутко боится. По крайней мере, раньше мне никого не удавалось простым «Хм...» заставить из положения сидя подскочить в воздух на три метра и совершить при этом акробатический трюк.

Сказать, что я застал его в подавленном состоянии, значит, ничего не сказать. Он выглядел, как пожухшая герань, которую по ошибке вместо воды полили соляной кислотой. Он сказал «Привет!» таким тоном, что мне тут же на ум пришла мысль о мыле и веревке, а вслед за ней полезли мысли о том, что мир плох и ужасен, и самое глупое, что я могу сделать, так это оставаться в нем живым.

Пришло в голову и то, что Гудомаров-младший в таком состоянии, пожалуй, имел все шансы быть избранным почетным председателем партии любителей суицида, если бы какой-нибудь ловкий политик решил бы ее организовать. Гудомаров-младший одним своим видом вдохновлял бы соратников по партии на прыжки с крыш многоэтажек, глотания пригоршнями таблеток и перерезание вен.

Надо ли говорить о том, что настроение мое вмиг изменилось, и что во мне родилось чувство великой жалости к несчастному человеку? На свете существуют люди, которых ничем не проймешь. Их не трогает вид несчастных, и даже вид умирающего от чумки щеночка не способен их разжалобить. Они рождаются с каменными сердцами, чуждые к чужим бедам. Таких людей на улице встретишь нечасто. Обычно их надолго запирают в тюремную камеру после того, как они кого-нибудь пристукнут, чтобы развеять скуку или раздобыть денег на пачку сигарет. А если подобные субъекты каким-то непостижимым образом избегают тюрьмы, то их путь лежит на ринг, где они целыми днями мутузят таких же безжалостных людей, соревнуясь в умении покалечить соперника в бою без правил.

Что до меня, то я не отношусь к такому типу людей. Если передо мной поставить нечто, способное вызвать жалость, то это нечто вызовет во мне жалость незамедлительно. В данный момент этим нечто был Гудомаров-младший. После того, как он повторил печальное «Привет!», жалости к нему во мне заплескалось столько, что ее можно было бы весь день вычерпывать ведрами, и все равно меньше бы не стало.

– А, дружище, это ты, – повторил Гудомаров-младший и приосанился, на миг напомнив себя прошлого. – Очень рад тебя видеть. Знаешь, буквально минуту назад я сидел тут и думал, как было бы прекрасно встретить тебя и поболтать. И тут бац, ты материализуешься из воздуха, как маг и волшебник. Наверное, не обошлось без вмешательства высших сил. Кстати, дружище, ты веришь в загробную жизнь? Говорят, она существует. Люди там живут без брэнной телесной оболочки и могут делать, что угодно. Тебе не хочется пожить без брэнной телесной оболочки? Представляешь, какие грандиозные возможности открылись бы перед тобой! Ты мог бы, например, без усилий проникать в банковские хранилища и уносить оттуда пачки денег.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.